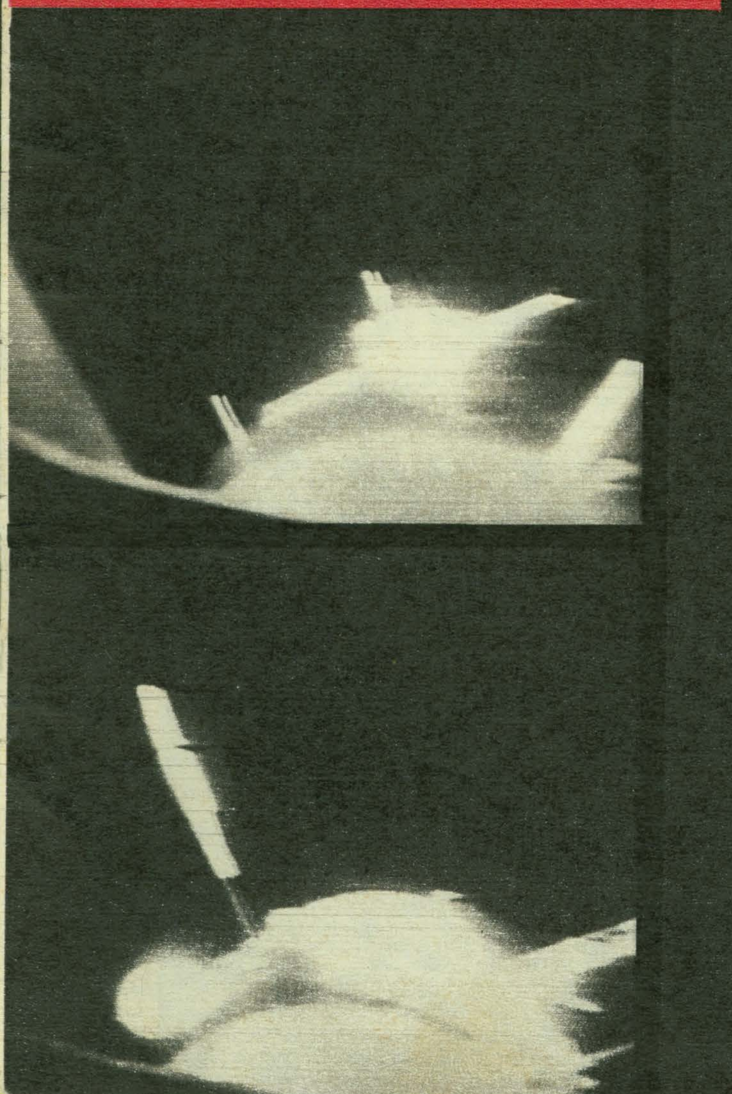
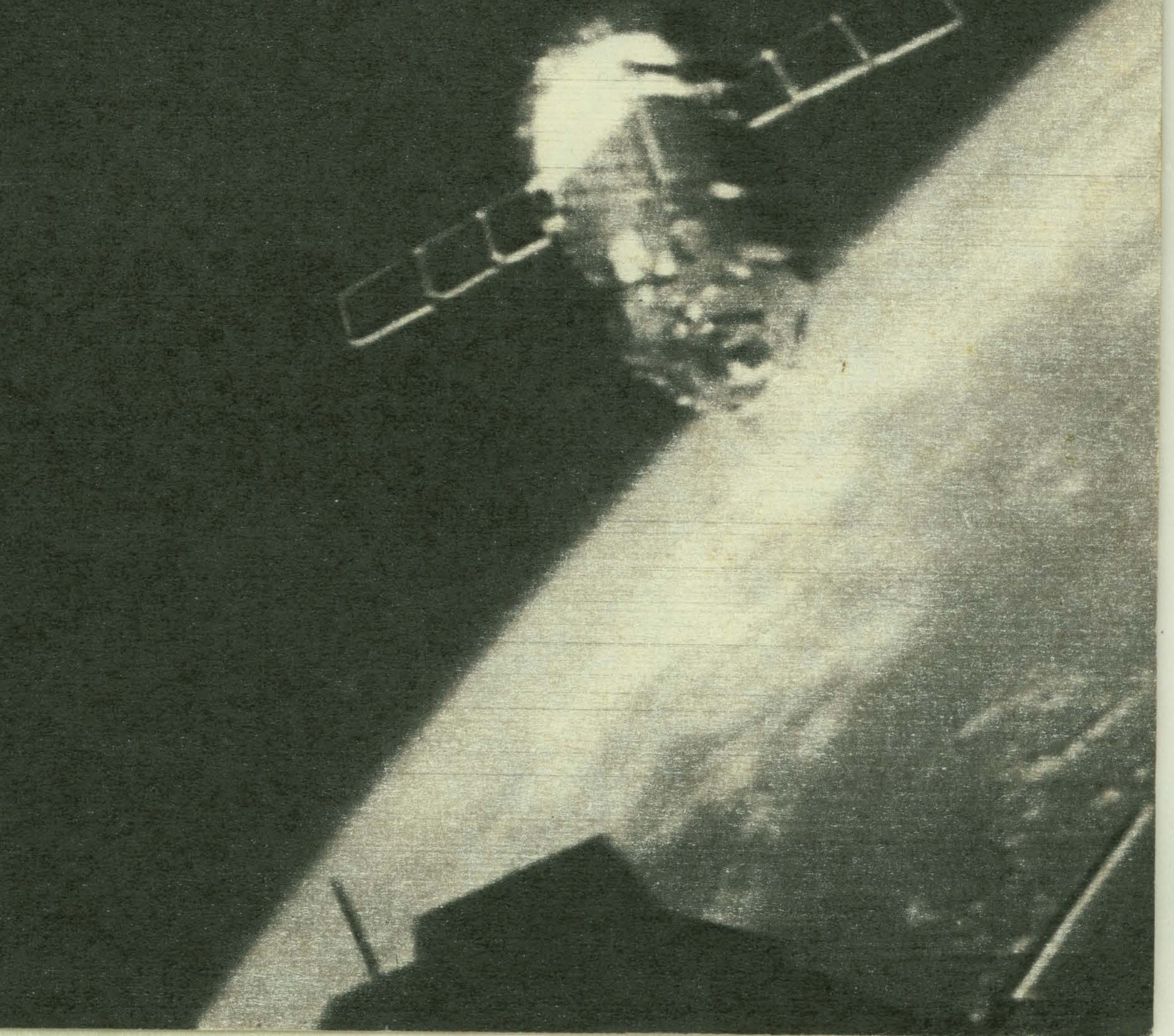
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 30 ИЮЛЬ 1975

НОВАЯ СТРАНИЦА В ЛЕТОПИСИ ПОКОРЕНИЯ ВСЕЛЕННОЙ. ВСТРЕЧА НАД ПЛАНЕТОЙ СВЕРШИЛАСЬ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с космонавтом А. А. Леоновым — командиром корабля «Союз-19». Фото Я. Халипа.

УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ, ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ, ВСЕМ КОЛЛЕКТИВАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛЕТА СОВЕТСКОГО КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ «СОЮЗ-19» СОВМЕСТНО С КОСМИЧЕСКИМ КОРАБЛЕМ США «АПОЛЛОН»

СОВЕТСКИМ КОСМОНАВТАМ ТОВАРИЩАМ ЛЕОНОВУ АЛЕКСЕЮ АРХИПОВИЧУ И КУБАСОВУ ВАЛЕРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ

Дорогие товарищи!

Все человечество с восхищением следило за выдающимся экспериментом в космосе — совместным полетом советского корабля «Союз-19» и американского корабля «Аполлон». Впервые в истории осуществлена стыковка космических кораблей двух стран, опробованы в действии новые средства стыковки в целях обеспечения безопасности полетов человека в космическом пространстве, проведены астрофизические, медико-биологические, технологические и геофизические эксперименты.

Полет космических кораблей СССР и США является значительным шагом в развитии советско-американского научно-технического сотрудничества. Его успешное осуществление открывает новые перспективы совместной работы различных стран в мирном освоении космического пространства.

Огромный вклад в это благородное дело вносит советская наука и техника. Ученые, конструкторы, инженеры, техники и рабочие ознаменовали завершающий год девятой пятилетки новыми достижениями в дальнейшем изучении и освоении космоса. Успешно проходит работа второго экипажа советских космонавтов на борту орбитальной научной станции «Салют-4». К планете Венера стартовали автоматические космические станции «Венера-9» и «Венера-10». Проводятся исследования Луны и окололунного пространства автоматической станцией «Луна-22». В интересах науки и народного хозяйства регулярно запускаются в космическое пространство спутники связи, метеорологические и другие спутники.

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют вас, дорогие товарищи Алексей Архипович Леонов и Валерий Николаевич Кубасов, с безупречным выполнением задания Родины. Мы также отмечаем высокое мастерство американских космонавтов Томаса Стаффорда, Вэнса Бранда и Дональда Слейтона и вашу совместную дружную работу.

Горячо поздравляем ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, специалистов космодрома и командно-измерительного комплекса, все коллективы и организации, обеспечившие подготовку и проведение полета космического корабля «Союз-19», выполнение ответственной программы совместного советско-американского эксперимента.

Желаем всем вам, дорогие товарищи, новых больших достижений в освоении космического пространства во имя прочного мира на земле, во имя прогресса человечества.

Л. БРЕЖНЕВ Н. ПОДГОРНЫЙ А. КОСЫГИН

◄ Снова на родной земле.
Телефото А. Пушкарева (ТАСС).

Советские и американские космонавты на орбите Земли.

Снимок с экрана телевизора.

ВО ИМЯ МИРА

На месте приземления.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС).

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Леонова А. А. орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»

За успешное осуществление космического полета на советском корабле «Союз-19» совместно с кораблем США «Аполлон» и проявленные при этом мужество и героизм наградить Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. **Леонова** Алексея Архиповича орденом **Ленина** и второй медалью **«Золотая Звезда».**

В ознаменование подвига Героя Советского Союза тов. Леонова А. А. соорудить бронзовый бюст на родине героя.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 22 июля 1975 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. Кубасова В. Н. орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда»

За успешное осуществление космического полета на советском корабле «Союз-19» совместно с кораблем США «Аполлон» и проявленные при этом мужество и героизм наградить Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР тов. **Кубасова** Валерия Николаевича орденом **Ленина** и второй медалью **«Золотая Звезда».**

В ознаменование подвига Героя Советского Союза тов. Кубасова В. Н. соорудить бронзовый бюст на родине героя.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 22 июля 1975 г.

И ПРОГРЕССА

В. ВАСИЛЬЕВА, фото Г. КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

— Когда и где совершил посадку космический корабль «Союз»?

— Точно по плану, в 13 часов 51 минуту по московскому времени, в 54 километрах от города Аркалык.

Все уже видели, как проходил момент посадки, как спускаемый аппарат стремительно приближался к земле. Вот отстреливается парашют, срабатывают двигатели мягкой посадки. Облако пыли... и аппарат приземляется. Героический экипаж «Союза-19» снова на родной земле.

Задание Родины выполнено!

А сейчас в Международном пресс-центре идет конференция, посвященная окончанию советской части совместного эксперимента «Союз»—«Аполлон». Ученые и космонавты отвечают на многочисленные вопросы журналистов о технических, биологических и медицинских экспериментах, проведенных во время этого исторического полета. Память невольно возвращается к уже пережитым, но незабываемым дням...

— Почему стыковка космических кораблей «Союз» и «Аполлон» произошла раньше на три минуты, чем предусматривалось программой?

— Вследствие отличной работы советского и американского экипажей.

— Что сказал Леонов, когда в «Союзе» появился Стаффорд?

— Люк «Союза» был открыт несколько раньше, чем «Аполлона», и Алексей Архипович, будучи человеком чрезвычайно эмоциональным, с огромным нетерпением ждал гостей. Он обратился к Стаффорду чисто по-русски, и тот его не сразу понял. Алексей сказал: «Ну давай, Том, входи же наконец!»

— А что говорили Стаффорд и Леонов несколько раньше, во время стыковки?

— Стыковка — очень ответственный момент, требующий огромного напряжения экипажей. Во время стыковки они молчали. Доклады их были формализованы и выражались в двух-трех словах.

Так проводился в Международном пресс-центре утренний брифинг после стыковки. Произошло «великое событие века», как окрестили журналисты стыковку советского и американского космических кораблей. На орбите появились космические близнецы.

На экранах телевизоров мы наблюдали поистине фантастичный момент — создание первого международного орбитального комплекса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2507)

26 ИЮЛЯ 1975

Летчик-космонавт СССР Георгий Шонин отвечает на вопросы журналистов.

Владимир Сыромятников дает пояснения у макета стыковочного агрегата.

Все телекомпании мира вели в эти часы передачи о стыковке. И человечество, как одна большая семья, волновалось и радовалось за своих пятерых сыновей, ведущих в космосе невиданный эксперимент. Не об этом ли мечтал Константин Эдуардович Циолковский? «Человечество приобретает всемирный океан, дарованный ему как бы нарочно для того, чтобы связать людей в одно целое, в одну семью...» — писал он. Только великий калужанин не мог предположить, что наступит это так скоро.

Все мы знали, как тщательно отрабатывался полет «Союза» и «Аполлона». Все верили в мощь советской и американской техники, в опыт и талант специалистов на земле и экипажей кораблей. Но когда стыковка свершилась, раздались радостные аплодисменты и возгласы почти на всех языках: «Как, так скоро!» Все затаив дыхание слушали теплое, сердечное приветствие космонавтам Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. После него к космонавтам обратился президент США Дж. Форд.

Здесь в Международном пресс-центре работают журналисты из 50 стран мира, 27 телекомпаний ведут передачи из Останкина. Журналисты уже побывали в Калуге в доме-музее К. Э. Циолковского, в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, встретились с крупными учеными. Сразу после стыковки состоялась пресс-конференция, на которой сменный руководитель полета Виктор Дмитриевич Благов рассказал о волнениях в ЦУПе, когда рассчитывался момент стыковки. Было известно, что Томас Стаффорд обладает довольно живым темпераментом. Во время поездки наших специалистов в Хьюстон он показал фильм о своих маневрах в космосе и поразил всех резкими, энергичными движениями во время этого маневрирования. «Это, вероятно, общая черта американской предприимчивости, у нас стыковка проходит более спокойно,— пошутил Благов.— И я рад, что на этом последнем участке мы «обратили» Стаффорда в нашу русскую веру».

На очередном утреннем брифинге присутствуют летчик-космонавт СССР Георгий Шонин — в этом полете он оператор по связи с экипажем,— сменный руководитель полета Вадим Кравец, один из авторов стыковочного агрегата конструктор Владимир Сыромятников, академик Борис Петров.

Им всем сегодня ночью поспать почти не пришлось.

— Повторяем вопрос, который был задан вчера в Хьюстоне,— обращается к Сыромятникову польский журналист.— Чем объясняется, что советский стыковочный агрегат работал лучше, чем американский?

— Если я правильно понял, вы спрашиваете, чем лучше новый стыковочный агрегат, созданный советскими и американскими учеными, чем старый, американский?

Новый стыковочный агрегат обладает двумя чертами: андрогинностью и периферийностью. Первая значит, что каждый корабль может проводить стыковку самостоятельно. Даже если бы это не сделал «Аполлон», то это сделал бы сам «Союз». Вторая черта — периферийность. Новый стыковочный узел позволяет открыть крышки люков, не «беспокоя» стыковочные приспособления. Вчера я передал поздравления моему американскому коллеге Бобу Уайту по поводу удачной работы нового агрегата.

— И все-таки чья идея создания андрогинного узла? — сыплются новые вопросы на Владимира Николаевича.— Если господину Сыромятникову неудобно отвечать, пусть ответит кто-нибудь другой.

— После ночного дежурства в ЦУПе до встречи с вами мне полагалось поспать четыре часа, но не удалось и двух: звонил телефон, и меня поздравляли с удачной стыковкой. Боюсь, что после ваших вопросов мне не придется спать и следующую ночь,— шутит Сыромятников и уже серьезно продолжает: — Стыковочный узел — детище международное, и как международное оно получилось андрогинное.

В зале раздаются аплодисменты. Академик Б. Н. Петров, председатель Совета «Интеркосмос», дополняет Сыромятникова:

— Талант и оригинальность мышления и наших специалистов и американских сфокусировались тут, как в большом зеркале.

— А как в ЦУПе отметили стыковку? — Это вопрос уже к Георгию Шонину.

— К сожалению, мы не могли присоединиться к вам, так как нам предстояло работать до четырех утра, но мы это сделаем после того, как сядет «Аполлон». А тут мы просто поднялись со своих мест и долго аплодировали нашим товарищам в космосе.

Вадим Кравец уже поделился своими впечатлениями во время дежурства, рассказал о плане работы космонавтов на ближайший день. Официально брифинг закончен, однако журналисты окружили Шонина и Петрова и продолжают задавать вопросы. Это понятно, интерес во всех странах мира к первому международному полету огромен. Тем более странным прозвучало заявление Джозелофа, корреспондента Юнайтед Пресс, о том, что наши брифинги затягиваются. Тогда в пресс-центре раздались два «деловых предложения», встреченные журналистами смехом и аплодисментами. Первое — не задавать вопросов, второе — вопросы задавать, но на них не отвечать.

Сыромятников стоит около модели стыковочного узла и объясняет устройство механизма, крепко взявшего в свои объятия близнецов «Союз» и «Аполлон». Сделан крупный шаг по пути решения одной из гуманнейших проблем века — спасения космических кораблей на орбите.

Кульминационный момент для журналистов — бортовая пресс-конференция, транслирующаяся по телевидению. У экипажей кораблей был очень напряженный день, но пресс-конференцию они начали вовремя, показывая этим свое серьезное отношение к работе московского и хьюстонского Международных пресс-центров.

Алексей Леонов и Валерий Кубасов на борту отремонтировали и наладили телевизионную аппаратуру. Экипаж «Аполлона» справился с неполадками в стыковочном узле. Им помогали советы с Земли, за которыми, судя по вопросам, внимательно следили и журналисты. Впрочем, нештатные ситуации не все выглядели так серьезно. Например, распаковывая пакет с клубникой, Бранд выпустил из него ягоды, которые облепили его со всех сторон. «Весь корабль окрасился в клубничный цвет», — весело доложили с «Аполлона». Но все окончилось благополучно. Ягоды частично отловили, а остальные съели. В день «взаимных визитов», как назвали журналисты 18 июля, им показалось, что Стафформ и Кубасов вдруг заупрямились и не хотели возвращаться из гостей домой. В результате люки закрылись несколько позже.

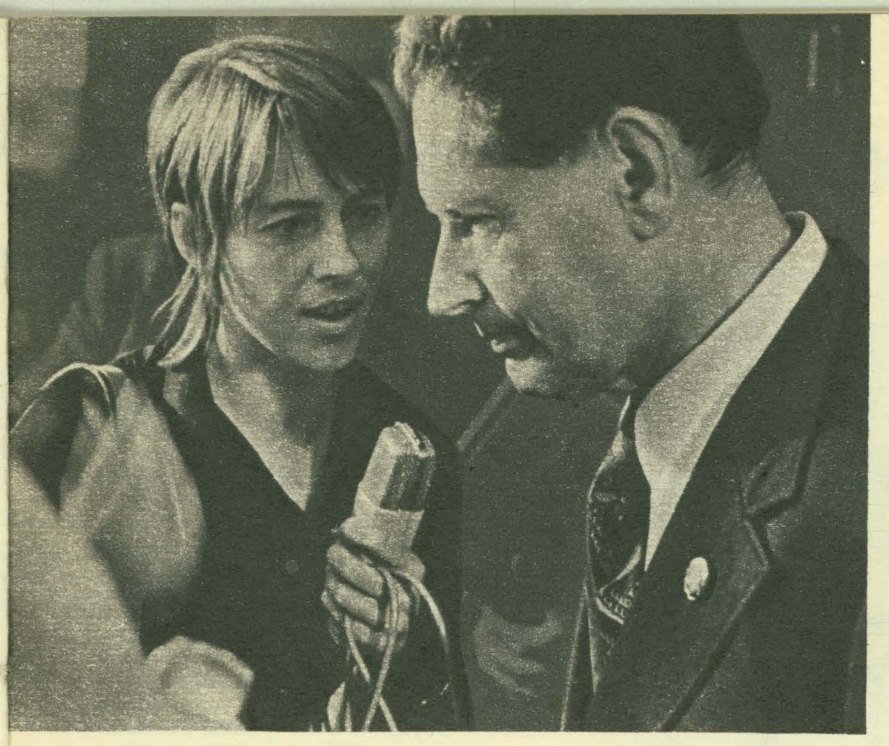
Программа исследований очень обширная. Экипаж на месте скорректировал ее, и часть работ была выполнена за счет сна космонавтов. Например, один из рабочих дней длился семнадцать часов! Попробуй усни сразу после такого напряженного дня.

— Я слушал ночью переговоры «Союза» с Землей. Космонавтам предложили принять перед сном по две таблетки чего-то, а чего, я не понял, — последовал вопрос на утреннем брифинге.

Сменный руководитель объяснил, что в связи с тем, что рабочий день космонавтов был таким длинным, медицинская группа во главе с Борисом Егоровым предложила экипажу принять легкое

В Международном пресс-центре.

Вопрос к академику Б. Н. Петрову.

успокаивающее и снотворное лекарство отечественного производства — фенобут, не оставляющее неприятных ощущений утром.

У столика, за которым дежурят представители Академии наук СССР, особенно оживленно. Вопросы к специалистам по программе полета, уточнения той или иной фразы переговоров с Землей не прекращаются ни на минуту. Пользуясь тем, что дежурит научный сотрудник Института металлургии имени А. А. Байкова Юрий Малков, задаем вопрос и мы:

— Каково будущее эксперимента «универсальная печь»?

— В космосе существуют два фактора, которые сложно получить на Земле. Это длительная невесомость и полный вакуум. Только в этих условиях можно создать сверхчистые сплавы с очень строгим составом и полной однородностью. Эти вещества необходимы в целом ряде отраслей науки и техники: электронно-вычислительных машинах, радиосистемах космических объектов, приборостроении. Кроме того, мы сможем получать в этих условиях и новые, еще неизвестные на Земле материалы с заранее заданными свойствами. Будущее космической сварки — своеобразные металлургические заводы, работающие на орбите Земли.

— И такие заводы могут оказаться рентабельными? — спрашиваем мы.

— Безусловно. Ведь некоторых материалов для тех отраслей науки и техники, о которых я говорил, требуется минимальное количество, а получение их на Земле либо очень дорого, либо просто невозможно.

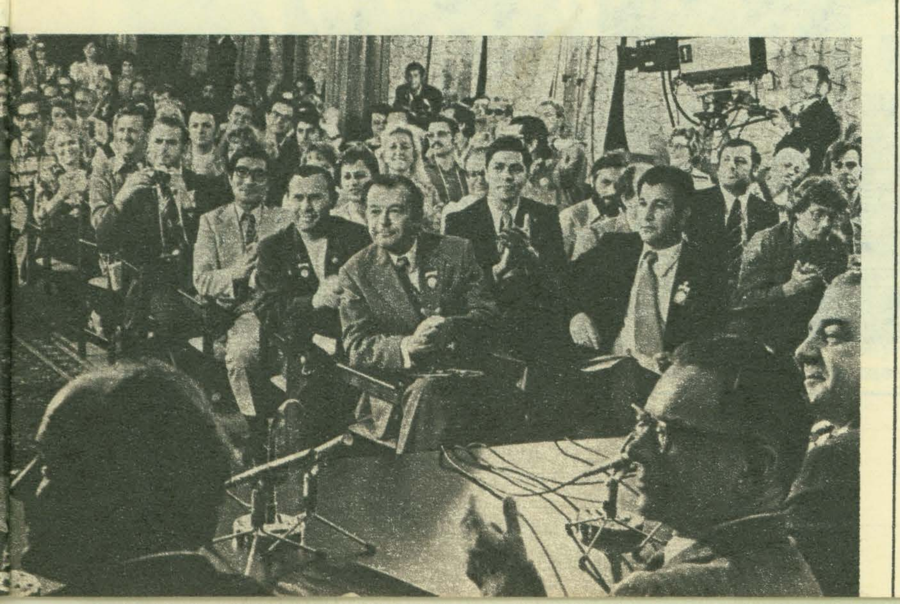
— Я недавно был на очередной сессии Международного комитета по космическим исследованиям КОСПАР-75,— дополняет Малкова сотрудник Института космических исследований Станислав Радионов.— Американские специалисты считают, что создание металлургических заводов на орбите Земли — самый скорый путь к тому, чтобы сделать космические полеты экономически выгодными. Речь идет о прибыли порядка миллиарда долларов. Так, например, говорил на сессии КОСПАР инженер Эрнст Штулингер, заместитель директора Космического центра имени Маршалла.

Нас прерывает телефонный звонок:

— Уточните, пожалуйста, когда состоялось рукопожатие Леонова и Стаффорда.

— В двадцать два часа девятнадцать минут двадцать семь секунд по московскому времени.

«Нам выпала большая честь участвовать в первом в истории человечества совместном полете космических кораблей двух стран — СССР и США,— доложили, возвратившись на Землю, командир корабля А. Леонов и бортинженер В. Кубасов. — В этом важном для дела мира и прогресса всех народов Земли космическом полете нас вдохновляли высокая оценка труда ученых, конструкторов, рабочих, космонавтов и теплые слова приветствия товарища Л. И. Брежнева».

ЭТО ПОТРЯСАЮЩЕ!

Первый совместный полет советских и американских космонавтов будет зачислен в ряд величайших событий летописи покорения Вселенной вместе с запуском первого искусственного спутника, вместе с первым полетом человека в космос и первой высадкой на Луну.

Наши корреспонденты СЕРГЕЙ ВАСИН и АНДРЕЙ ГРЕЧУХИН попросили прокомментировать этот полет выдающихся ученых мира.

Академик И. И. АРТОБОЛЕВСКИЙ (СССР).

В истории техники есть много событий, которые меняли лицо мира. Например, появление парового двигателя или счетно-решающих машин. Нынешний совместный полет я бы сравнил с этими событиями, ибо значение его для развития науки и техники огромно. Это потрясающе!

Я специалист в области теории машин. Мне хорошо знакомы проблемы технологии машиностроения. И для меня совершенно ясно, что целый ряд новых технологических процессов сможет быть выполнен на космических кораблях и станциях.

Особое значение имеет и то, что все достижения космической техники мы можем перенести на Землю, в условия производства. Вместе со своими учениками я много работаю над созданием роботов и глубоко убежден, что роботы будут иметь громадное значение не только для развития космической техники, для ремонта кораблей, для их настройки, но и для развития техники земной.

Роберт С. ОЛДРИДЖ (США), специалист в области космической техники.

Успешное осуществление совместного советско-американского эксперимента в космосе открывает новую эру в сотрудничестве между нашими странами. Хорошо, что мы привыкаем работать рядом, помогать друг другу. Я хотел бы надеяться, что подобные принципы распространятся и на другие сферы международных отношений. Пусть дух сотрудничества сопутствует самым важным переговорам между представителями двух наших великих держав, в том числе переговорам о сокращении стратегических вооружений.

В. МИХОВИЧ, заместитель директора института истории Лодзинского университета (ПНР).

Совместный полет «Союз» — «Аполлон» имеет прежде всего огромное международное значение, в первую очередь потому, что наглядно демонстрирует, как можно сотрудничать даже при полярных социально-экономических системах, как, опираясь на целую серию договоров и соглашений, СССР и США смогли перейти к широкому научно-техническому сотрудничеству, я подчеркиваю: широкому, потому что еще совсем недавно трудно было представить, что советские и американские специалисты смогут сотрудничать в такой области, как космическая техника.

Исмаил ХУССЕЙН (Малайзия), профессор Малайского университета в Куала-Лумпуре.

Прекрасно, что свой талант, ум, свои способности человечество расходует не для создания новых видов оружия, а на мирные исследования, на дальнейшее изучение нашей планеты с помощью космических кораблей. Этот поворот событий имеет особое значение для таких малых стран, как наша. Потому что они беззащитны и открыты всем военным ветрам. Тем более, что мы живем в таком грозном районе планеты, как Юго-Восточная Азия,— арене бесконечных военных столкновений. Вот почему мы с такой радостью встретили полет «Союза» и «Аполлона». Ведь от содружества великих держав выигрывают и малые страны.

Но среди мощного хора, звучащего в поддержку совместного космического эксперимента, раздаются и немногочисленные высказывания о том, что-де решать космические проблемы, прежде чем решены земные, слишком рано. Таково, например, мнение австралийского физика И. Роубосэма, сотрудника университета в Мельбурне: «Я не считаю, что в таких полетах есть крайняя необходимость. У человека на Земле еще столько дел, нерешенных проблем, неразгаданных тайн, что уделять так много внимания космосу, по-моему, пока рано. Только я думаю, что вы напрасно все это записываете — вряд ли ваш журнал опубликует мое мнение».

И все-таки мы приводим эти слова. Но не потому, что согласны с ними. Недальновидность такой точки зрения очевидна.

Вот что говорит, отвечая австралийскому физику, **советский академик А. В. ФОКИН.**

Да, у человека на Земле еще множество глобальных проблем. Борьба с голодом, болезнями, защита окружающей среды, освоение океана, изыскание новых источников энергии и прочее. Есть еще немало скептиков, которые полагают, что эти проблемы нельзя решить из-за противоречий между странами с различным общественным строем. И в этом смысле совместный полет «Аполлон» — «Союз» имеет огромное значение. Он поднимает сотрудничество двух великих держав на космическую высоту. В прямом и переносном смысле. Он показывает, что если уж такая поистине фантастическая задача решена успешно, то смогут быть решены и самые сложные земные проблемы.

М. А. ШОЛОХОВУ ВРУЧЕН ОРДЕН ЛЕНИНА

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручает М. А. Шолохову орден Ленина.

Фото В. Соболева (ТАСС).

18 июля в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил М. А. Шолохову орден Ленина, которым писатель награжден за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения.

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Н. В. Подгорный горячо поздравил М. А. Шолохова с днем его рождения и заслуженной наградой Родины.

Н. В. Подгорный передал М. А. Шолохову сердечный привет и горячие поздравления от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, других руководителей Коммунистической партии и Советского государства.

У всех нас свежи в памяти недавние юбилейные торжества, посвященные 70-летию Михаила Александровича Шолохова,— сказал Н. В. Подгорный.— Сегодня мы как бы продолжаем чествование величайшего советского писателя, видного общественного деятеля.

Н. В. Подгорный подчеркнул, что произведения писателя пользуются в стране поистине всенародной любовью, они стали гордостью советской и мировой литературы.

В условиях революционной ломки старых устоев,— сказал Н. В. Подгорный,— Вы, Михаил Александрович, накрепко связали свою судьбу с партией, поднявшей трудящиеся массы на штурм старого мира. Ваше слово писателя-коммуниста работало и работает на революцию, рождает у советских людей оптимизм, учит мужеству и верности великим целям и идеалам.

Н. В. Подгорный далее продолжал: Ваши герои — не просто литературные персонажи, не просто действующие лица экрана, драматической и оперной сцены. Это глубоко правдивое отражение судьбы человека, борющегося за социализм. Это в лучшем смысле слова реалистические, живые образы людей, которые навсегда вошли в нашу жизнь, стали близки и понятны народам всего мира. И именно это, как нам кажется, является высшим признанием, высшей оценкой труда подлинного художника.

В заключение Н. В. Подгорный еще раз сердечно поздравил М. А. Шолохова с высшей наградой Родины — орденом Ленина, пожелал ему доброго, крепкого здоровья, долгих лет жизни, плодотворной творческой деятельности на благо нашей Родины, на благо социализма и коммунизма.

М. А. Шолохов сердечно поблагодарил Коммунистическую партию Советского Союза и Советское государство за высокую оценку его литературной деятельности и высокую награду. Он поблагодарил Н. В. Подгорного за теплые слова, которые были здесь сказаны.

Могу сказать одно,— заявил М. А. Шолохов,— что на пенсию не собираюсь. Поправлюсь немножко и снова встану в ряды советских писателей, чтобы преумножать успехи и способствовать доброй славе нашей советской литературы.

При вручении награды присутствовали секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, писатели Г. М. Марков, В. М. Озеров, Н. С. Тихонов, С. В. Михалков, В. М. Кожевников.

В Москве открыта выставка произведений художников СССР и США, посвященная совместному запуску космических кораблей «Союз» — «Аполлон». Она организована Союзом художников СССР и Национальным музеем завоевания космоса США. Тема более ста представленных здесь произведений — покорение человеком космоса, космическая реальность и фантастика. Особый интерес вызывают работы А. Леонова, командира советского экипажа, человека, который впервые вышел в открытый космос. Картина художника-космонавта «Стыковка «Союз» — «Аполлон» воспринимается как прямой репортаж из космоса.

На открытии выставки выступили председатель правления Союза художников СССР Н. А. Пономарев, посол США в Советском Союзе г-н У. Стессел и другие.

На открытии выставки.

Фото Л. Иванова.

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

18 июля Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле министра энергетики и горнорудной промышленности Перу Хорхе Фернандеса Мальдонадо и министра торговли Перу Луиса Ариаса Грациани, прибывших в Москву для обсуждения вопросов советско-перуанского торгово-экономического сотрудничества.

Было выражено удовлетворение развитием, которое получают советско-перуанские отношения в различных областях, и подтверждено стремление к их дальнейшему расширению. Состоялся обмен мнениями по ряду вопросов советско-перуанского сотрудничества.

В беседе, которая проходила в дружественной обстановке, приняли участие заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов и посол Республики Перу в СССР Хуан Хосе Калье Калье.

Во время беседы.
Фото В. Мастюкова (ТАСС).

ЖЕНЕВА—ХЕЛЬСИНКИ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Карен **КАРАГЕЗЬЯН**

Итак, координационный комитет — главный рабочий орган женевского этапа — объявил, что третий, завершающий этап общеевропейского совещания на высшем уровне начнется 30 июля. Назначение даты, окончательно утвержденное в ночь на 19 июля, стало важнейшим решением последних дней в Женеве. Оно просигнализировало, что «экспресс» европейской безопасности подходит к станции назначения.

Да, теперь уже точно известно: через несколько дней состоится событие, которого с надеждой и воодушевлением ждали европейцы, да и не только они. Высшие руководящие деятели 33 стран нашего континента, а также США и Канады соберутся в финляндской столице, чтобы заложить основы мирной Европы, народы которой должны жить в условиях безопасности и процветающего взаимовыгодного сотрудничества.

Путь к успеху общеевропейского совещания был долог и труден. На протяжении послевоенного периода социалистические государства не раз обращались с призывом выработать меры по обеспечению коллективной безопасности в Европе, дважды становившейся очагом кровопролитных мировых войн.

Органы буржуазной пропаганды всячески поносили эту идею, называя ее «нереальной», «сомнительной» и даже «опасной». За спиной этих платных скептиков стояли довольно влиятельные круги поборников «холодной войны». Но жизненность предложения социалистических стран была подтверждена самой действительностью. Важнейший толчок процессу разрядки напряженности дала Программа мира XXIV съезда КПСС.

В ноябре 1972 года в Хельсинки начались многосторонние консультации по подготовке совещания. Затем с 3 по 7 июля 1973 года прошел его первый этап на уровне министров иностранных дел. А 18 сентября 1973 года начал свою работу второй этап, завершившийся в эти дни в Женеве. Его задачей было подготовить заключительные документы для последней, решающей фазы. В соответствии с этой задачей государства-участники готовили документы, согласно утвержденной министрами повестке дня совещания: 1 — вопросы, относящиеся к безопасности Европы; 2 — сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды; 3 — сотрудничество в гуманитарной и других областях; 4 — дальнейшие шаги после совещания.

Мне довелось наблюдать работу второго этапа в самом его начале, в сентябре 1973 года, а затем в канун его завершения, в нынешнем июле. Пожалуй, первое впечатление — сложность поставленной перед участниками задачи. Ведь приходилось почти каждое слово вырабатываемых документов писать, как привыкли говорить в Женеве, «тридцатью пятью карандашами» — метод консенсуса (единогласия) означал, что принятым считается лишь тот раздел, параграф, абзац, против которого не возражает ни один участник. Это потребовало гигантской работы; в результате удалось не только преодолеть объективные трудности — а они оказались более серьезными, чем представлялось в сентябре 1973 года,— но и вынудить к отступлению те круги, которые с первого до последнего дня пытались совать палки в колеса совещания. Кстати, еще одна характерная черта: те, кто хотел затормозить дело в Женеве, почти никогда не выступали в открытую. Они боялись, что их разоблачат как противников совещания,— слишком высок был уже его авторитет в глазах общественности.

Сроки второго этапа (на него ушло почти два года) можно было бы сократить, если бы не любители «нажимать на тормоза». Кое-кто до последнего часа старался «выторговать» те или иные уступки, руководствуясь узкими интересами. Но в целом участники проявили ответственный подход к общеевропейскому делу, об этом свидетельствуют и результаты второго этапа. «Я могу сказать только одно,— заявил на днях канцлер нейтральной Австрии Бруно Крайский,— если бы мне год назад кто-либо сказал, что мы достигнем всего этого, то я назвал бы это слишком оптимистическим заявлением».

Сделать разрядку напряженности необратимой — этот лозунг стал программой действий для всех миролюбивых сил планеты Земля. Претворению в жизнь этой программы будет служить исторический форум в Хельсинки.

ГЕРОЯМ КРАСНЫХ АТАК

Надежда КОЖЕВНИКОВА

В истории советской литературы и искусства встречаются люди необычайных биографий. Сама по себе их жизнь до такой степени насыщена событиями, что могла бы стать увлекательнейшей хроникой времен революции или гражданской войны. Их собственная судьба вплотную срослась с судьбами героев их картин, книг, а бывало, что кто-то и сам становился героем произведения.

Член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор Федор Семенович Богородский, создавший образы матросов восемнадцатого года, биографией, сердцем, духом своим был причастен к их подвигу. «Братишек» Богородский писал всю жизнь, изучив не просто как натуру, а как товарищей своих по оружию, друзей, проверенных в боях. И когда он написал самого себя — в бушлате, бескозырке, пулеметные ленты крест-накрест,— это был не только автопортрет, но обобщенный, емкий образ целого поколения. А сам Федор Богородский смотрит с фотографии восемнадцатого года — морячок с лентой Балтийского флота. В повороте его крупной головы, в решительности молодого, строгого лица, во взгляде, одновременно смелом и доверчивом,— характер, сформированный революцией, гражданин молодой Страны Советов.

И еще: особая пристальность взгляда выдает в нем художника. Но не сразу и не просто нашел он свой путь в творчестве.

События величайшей исторической важности, в самом эпицентре которых Богородский находился, не давали ему возможности заниматься живописью изо дня в день, методично, как того требует профессиональное искусство. Но зато у него никогда не было проблемы, о чем писать. Не слышал он укоров в бессодержательности, в том, что материал получен неверным путем, из третьих рук, что не хватает ему жизненных впечатлений. Уж чего-чего, а материала ему хватало. То, что этот человек успел повидать, пережить, до краев заполнило его память. Но события действительности становятся фактом искусства лишь тогда, когда их осмысливает художник...

Итак, события. Год 1916-й. Фронт. Морская авиация Балтийского флота, а после — авиационный отряд Юго-Западного фронта. Полный бант Георгия.

Лето 1917 года. Федор Богородский вступает в большевистскую партию. Осень того же года. «Фарсаль», на котором он летал, сбит немецкой артиллерией. Его отправляют в лазарет с тяжелыми ранениями.

Через несколько месяцев, не долечившись, Богородский едет в Москву. Центральный Комитет посылает его на новый участок сражений — в органы ВЧК.

Нижний Новгород. Богородский — член следственной комиссии ревтрибунала. С января 1919-го он председатель отдела по особо важным делам. Работает в Нижегородской губчека. Уходит добровольцем на фронт.

Дон, Царицын... Богородский—политический комиссар отряда военных судов. Осенью после тяжелой контузии он на посту заведующего особым отделом Оренбургской ЧК. В двадцатом году — заведующий следственной частью ревтрибунала водного транспорта всей Волжской области. В сентябре двадцатого года по состоянию здоровья увольняется с военной службы, продолжая работать в ревтрибунале. Начинается новая жизнь: Богородского-солдата сменяет Богородский-художник.

Живописец в нем проявился, конечно, не в тот момент, когда явилась возможность заняться искусством. Художником он был рожден. Книга его воспоминаний, написанная ярко, талантливо,— тому подтверждение. Неуемность и требовательность, любопытство и жадность к жизни определили его биографию. Федор Богородский был циркачом, матросом, летчиком. Чекистом и комиссаром. Поэтом и артистом. И все это он делал увлеченно, радостно — душой он был сродни своим героям, прямым и мужественным. Такими он их и писал.

Федор Семенович Богородский родился в 1895 году в Нижнем Новгороде. Детская память впитала и лето и ярмарку — оранжевые полушубки, зеленые шали. Цирк Безано и человека, носившего необыкновенную фамилию «Иама». И «...красные флаги текут среди черных фигур, как пролитая кровь»,— так напишет он потом о революционных днях 1905 года. И звуки «Марсельезы», «Варшавянки», и нестройное пение «Боже, царя храни», и пьяные вопли «Бей красных!», и чья-то молитвы: «Господи, спаси. Спаси, господи»...

Приметы времени, судьбы, характера... Курьезные случаи, почему-то удержанные в памяти, и то, что в равной степени близко и памятно для всех,— перекрестно повторяющиеся из разных уст воспоминания о спектаклях в Художественном, о пении Шаляпина, о щукинской картинной галерее на Знаменке и морозовской на Пречистенке. Это тоже составляло эпоху. Богородский и тут не мог остаться в стороне.

В 1922 году он поступает во ВХУТЕМАС к Архипову. В развернувшейся в те годы борьбе различных группировок, в путанице политических и художественных взглядов Богородский занимает твердую, устойчивую позицию: он ахрровец, член Ассоциации художников революционной России. То есть знаменем своим признает реализм и заявляет о своей приверженности к русскому реалистическому искусству. В самой действительности Богородский нашел героев для серии своих работ «Беспризорные».

«На Смоленской площади во дворе стоял большой белый дом с колоннами,— писал он в своих воспоминаниях.— Внешний вид этого богатого ампирного особняка, однако, резко расходился с его «внутренним содержанием». В этом доме была расположена ночлежка для беспризорных детей... И вот однажды я пошел с альбомом в ночлежку на Смоленскую площадь. Не успел я войти в полузаколоченное досками парадное, как меня охватил острый запах карболки и уборной. В темном вестибюле было накурено и людно. Я прошел в следующую комнату с отвалившейся штукатуркой. Она была перегорожена нарами, на которых среди серых тряпок валялись беспризорные...»

Позировали натурщики плохо. И соседи чувствовали себя не очень ловко, когда такие «гости» являлись к Богородскому на дом. Это были «скачки», «тихушники», «ширмачи», и изъяснялись они на совершенно невероятном жаргоне. За год перед глазами художника прошла не одна сотня ребят — и вот, наконец, в Музее изящных искусств на Волхонке состоялось открытие 7-й выставки АХРР «Революция, быт и труд». А. В. Луначарский, выступивший там, отметил работы молодого Богородского, сказав, что есть в них «действительность, настоящий опыт художественного социально-психологического анализа... Его прекрасные этюды нужно издать как иллюстрации к хорошему трактату о том, что из себя представляет такое социальное явление, как детская беспризорность».

Да, именно анализ. Исследование характера, индивидуальных его черт и социальной предыстории. Эти глаза — детские, затравленные, зверюшечьи. И тусклые, погасшие, порочно-наглые. Губы бесформенные, расшлепанные и стянутые в злую ниточку. А между всем этим, точнее, в фокусе всего этого, не вслух, не впрямую выказана художником симпатия к своим «героям». Их независимость, бесстрашие, жизненная стойкость и нередко незаурядность угаданы живописцем, он и зрителей заставляет видеть своего «Огольца», «Ширмача», «Салагу» такими же жалеющими глазами, с тем же человеческим приятием и сочувствием, которым вообще отличается его искусство.

Ну а потом увлечение «уличной экзотикой» сменяется поиском новой темы, поскольку жизненный опыт Богородского требовал уже своего выявления в творчестве. И кому, как не ему, комиссару матросского отряда, дóлжно было создать образ революционного моряка — истинного героя эпохи.

В 1927 году в картине «Матросы в засаде» такая попытка сделана. Спаянная единой мыслью, единым чувством, огромным — до предела — напряжением группа матросов поджидает врага. Время, секунды, минуты сжаты. Еще мгновение, и... Тут та правда каждой эмоции, состояния, когда волнение еще больше концентрирует волю, та подлинность, которая в своей точной, скрупулезной воссозданности поднимается уже до символа. Символ подвига, его романтика, романтическая героика. Масштабность собственно пережитого потребовала таких

Ф. Богородский. 1895—1959. БРАТИШКА (АВТОПОРТРЕТ). 1932.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. Богородский. СЛАВА ПАВШИМ ГЕРОЯМ. 1945.

Государственная Третьяковская галерея.

же пропорций в творчестве. Ему ли было заниматься мелкотемьем, давить сок из пустоты, когда жизнь его сама была материалом для создания большой, по-настоящему серьезной темы: люди, служившие революции.

«Матросы в засаде» определили направление творческих исканий Федора Богородского. И в этой и в будущих работах задачей стало раскрытие человеческих характеров, объединенных не просто ситуацией, сюжетной завязкой, а идеей, выразителями и борцами которой они являются. Но если в «Беспризорных» правдивость, достоверность передачи натуры требовали совершенно определенных художественных приемов, то в новых полотнах Богородского на них ориентироваться уже было нельзя. Художник знал своих героев по жизни, по личному опыту и подбирал иной раз «модели» среди друзей. Но чтобы типы эти стали историчными, чтобы смогли донести до зрителей напряжение, отблеск огневых революционных лет, нужно было найти в себе силы и смелость заговорить в полный голос, набрав в легкие воздух, не опасаясь, что сочтут за «романтика», что язык твоего творчества непривычен. Кстати, такие прорывы, расширяющие, обогащающие наше реалистическое искусство, делали именно люди, пришедшие вместе с революцией. Может, закаленный, смелый их характер требовал бóльших преодолений, бóльших преград, и потому-то они искали и открывали это новое, раньше невиданное, в своей живописи, в литературе, поэзии. А может, сама современность, соучастниками и свидетелями которой они оказывались, давала им право и уверенность говорить голосом Завтра, и именно его старались понять и услышать те, что жили Сейчас. Так рождалось советское искусство, рассказывающее миру о героическом голосами самих героев.

Черное море. Портовые города, корабли Черноморского флота. Пейзажи: «Севастополь», «Батумский порт», «Парусник», «Товарищ» в Батуми». Портреты: «Комсомолец», «Краснофлотец», «Молодежь». Новое поколение советских моряков. Новый человек, сформировавшийся уже в Советской стране,— это стало открытием Богородского. Одновременно ожили воспоминания о собственной молодости, обогащенные такой преемственностью: моряки Советской России — моряки времен гражданской войны. И возник новый пласт — композиции «Нашли товарища», «На белых».

С годами, с опытом открылось то, что можно понять лишь издали. Уже в самом конце войны, в 1945 году, написал Богородский монументальное полотно «Слава павшим героям». Святая память о героях, отдавших жизнь за Победу. Реквием. Звучит хор. Напряженная, траурная торжественность фигур главной группы, кажущейся объемно-скульптурной. Плавная, чуть тяжеловатая ритмика драпировок подчеркивает скорбную сосредоточенность в лицах людей. Мать Родина оплакивает сына. Матросы, командир стоят, как бы приняв клятву верности, долга перед погибшими. Это трагедия. Огромное, неутолимое, всенародное горе. Но там же, на его пределе, уже рождается преодоление, высвобождение новых побеждающих сил, оптимистических, жизнеутверждающих.

ПЯТЬ ЛЕТ ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Дорогой наш молодой современник!

Уже близок последний день пятилетки. Она стала важной вехой в биографии страны. А в твоей жизни?

Какой день пятилетки тебе запомнился больше всего?

Что для тебя было самым важным, значительным за минувшие пять лет?

Какой радостью хочется тебе поделиться?

Что принесла пятилетка в твою личную жизнь — счастье, материальный достаток, творческий рост?

Стал ли ты духовно богаче?

Редакция «Огонька» обращается с этими вопросами к молодым людям, которые вступили на путь трудовой деятельности в эту пятилетку — после школы, ПТУ, техникума, вуза, курсов...

Ждем ваших писем — ответов на наши вопросы. Пишите нам по адресу: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек» для рубрики «Пять лет твоей жизни».

СТАРОЕ, НО ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

У басен С. В. Михалкова завидная судьба. Они не подвластны разрушительному влиянию времени. Герои его даже написанных несколько десятилетий назад коротких и точных басен и по сей день живут, действуют, помогая людям бороться с разгильдяйством, чванством, халтурой, помогая разоблачать подхалимов, тунеядцев, болтунов, бюрократов. Это говорит о том, что сатирические стрелы автора направлены не на какие-то случайные пороки, а на те «черные пятна» прошлого, борьба с которыми не проста, требует времени и больших общественных усилий.

Звери Михалкова популярны. Заяц и бобер, лев и лиса, мышь и слон — все они олицетворяют определенные человеческие типы, под их шкурами скрыты людские недостатки, увиденные и изображенные так остро, метко, ярко, что их нельзя не запомнить. Так же легко запоминаются, становятся нарицательными и ситуации, в которых живут и действуют эти «герои». А ведь каждая из них несет в себе аллегорическое изображение человеческих поступков и социальных отношений. И, узнав, например, о подхалиме, благоденствующем под опекой своего неравнодушного к лести начальника, многие вспомнят, видимо, прекрасную басню Михалкова «Заяц во хмелю», с ее остроумным сюжетом, тонко раскрытыми характерами Зайца и Льва и великолепным кратким резюме.

Басня — одна из самых трудных форм поэзии. Века оставили нам многих и многих больших поэтов. Баснописцев среди них — единицы. Басня требует от автора совершенно особых качеств, среди которых главные — незаурядная поэтическая зоркость, умелое владение народным разговорным языком и, конечно, разящее остроумие — оружие баснописца.

С. Михалков — мастер жанра басни. Герои его оригинальны, автор не повторяет классические образцы и на актуальном материале создает типы сугубо современные, остро, по-граждански мужественно поднимая вопросы, волнующие нас сегодня. И в этом основа действенности и общественной полезности этих басен.

Несомненно, что только что вышедшая, прекрасно изданная книга популярных басен Сергея Владимировича Михалкова с великолепными иллюстрациями художника Евгения Рачева, с серьезным, глубоким предисловием доктора филологических наук Ираклия Андроникова будет с радостью встречена всеми, кому дорого древнее, но вечно новое искусство басни.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Басни Сергея Михалкова. Рисунки Е. Рачева. М., «Детская литература», 1975, 318 стр.

МАСТЕ

Олег ШМЕЛЕВ

Наш разговор я для себя сравнивал с чтением книги, в которой много подстрочных примечаний. Мы сидели в большой комнате партбюро московского завода по обработке специальных сплавов, и секретарь партбюро Виктор Сергеевич Евдокишкин рассказывал, как живет заводская партийная организация в преддверии знаменательного события — XXV съезда КПСС.

По инициативе коммунистов коллектив завода решил провести в честь съезда 25 трудовых вахт. Каждую декаду по итогам соревнования определяется лучшая бригада, она награждается вымпелом и поощряется премией.

К концу года завод обязался довести долю продукции, выпускаемой с государственным Знаком качества, до 54 процентов. План девятой пятилетки по реализации продукции, предусмотренный контрольными цифрами,— выполнить к 15 августа.

Рассказ все время перебивался телефонными звонками — из цехов, из заводоуправления, из райкома — и краткими разговорами с заходившими в партбюро коммунистами. Это и были примечания.

Пошутив насчет полной невозможности вести размеренную беседу, Виктор Сергеевич сказал:

— Характер коллектива складывается из характеров составляющих его людей, верно? Возьмите одного какого-то коммуниста, расскажите о нем — это не будет исчерпывающим отчетом, но даст понятие о стиле работы. Хорошо?

Виктор Сергеевич не раздумывал над кандидатурой — сразу порекомендовал встретиться с мастером Виктором Ивановичем Васиным. И, как бы объясняя выбор, сказал:

— Видите, какая вещь... Для всех нас, конечно, первое дело — выполнять план, а еще лучше — перевыполнять. Смена мастера Васина с этим справляется. Но ведь высоких показателей можно добиваться разными методами, верно? Материальная заинтересованность — надежный рычаг. Другой и прикрикнуть не стесняется на нерадивого. Для третьего и штурмовщина не запрещенный прием. Васин же...— Виктор Сергеевич замолчал, подыскивая нужное слово.— Васин ведет людей ровно. Он о своей смене думает не от звонка до звонка, но и за порогом проходной. Он относится к делу как коммунист. Кстати, именно смена Васина была инициатором наших двадцати пяти предсъездовских вахт.

В тот же день я познакомился с Васиным.

•

Что-то неладное происходило с Н. Н. Эту неделю работали во вторую смену, а он являлся в цех будто невыспавшимся. Осунулся, лицо хмурое. Глядит в пол, ни с кем не разговаривает.

Мастер Виктор Иванович Васин видел все лучше других — ему это по должности полагается. Видел, но обращался с Н. Н. как обычно. Не было оснований толковать по душам, вызывать на откровенность. Мало ли у каждого из нас в личной жизни разных неприятностей, портящих и аппетит и настроение на целую неделю. В таких случаях не торопись. Пройдет время, перемелется, и опять человек в порядке. А полезешь в душу с бодрой непосредственностью, иной обидеться может, а иной попросит не вмешиваться и будет прав.

Удрученное состояние должно было сказаться на работе, и мастер Васин не удивился, когда узнал, что Н. Н. обстрогал два слитка не с тем допуском, какой указывался в выданном ему наряде,— небрежность более чем непростительная, потому что допуски на этой операции очень грубые, измеряются не микронами, а миллиметрами. Виктор Иванович выговаривать Н. Н. за ошибку не стал, просто велел быстро исправить. Н. Н. обработал слитки по второму разу, и дело было исчерпано. У мастера, правда, мелькнула мысль, что вот подходящий момент завести назидательную беседу, прощупать почву, но он сдержался: чутье подсказало, что с Н. Н. такая прозрачная дипломатия ни к чему не приведет. Это не Владимир Филимонов, которому двадцать четыре года и с которым Виктор Иванович, будучи старше на целых двадцать лет, может обращаться по-отцовски — когда надо, употребить власть, сделать строгое внушение, а в другой раз и на самолюбии сыграть незаметно для него самого. Да и с Филимоновым, положа руку на сердце, не все так уж гладко и ясно, не дважды два четыре. Из армии пришел, начал было учиться в вечерней школе, а потом задурил, забросил учебу. Применяли к нему и так называемый метод убеждения и дисциплинарные меры. Вроде и добились кое-чего, а вот с учебой лихорадит. Еще придется с него стружку снимать, не до кости, конечно, но основательно. Для его же, как говорится, пользы.

Бывали истории и посложнее, чем с Филимоновым. Виктор Иванович, кроме всего прочего, еще и председатель заводского общественного отдела кадров. Там задача — не столько принимать, сколько бороться, чтоб не уходили с завода, бороться с текучестью. Общая беда: не хватает кадров... Наверно, выбрали Васина председателем потому именно, что он мастер. Если по-фронтовому, мастер — это командир стрелковой роты. При атаке сам в цепи, с бойцами. А не поднимаются — встань первый, подними. Комроты понимает задачи и цели командира полка и знает нужды своих солдат.

Произошел однажды конфликт между Виктором Владимировичем Лощенко, шофером, и заместителем директора завода по общим вопросам. Шофер на заводе — профессия не основная, но Лощенко проработал уже двадцать лет, такими кадрами разбрасываться было бы неумно. А тут заявление от шофера, в категорической форме и без объяснений: прошу уволить по собственному желанию.

Порядок на заводе такой: всякое заявление об уходе, прежде чем попасть в обычный отдел кадров, поступает в общественный. А прежде чем дать свое согласие на увольнение, общественный отдел выясняет причины, результатом которых стало заявление, и пытается сделать все, чтобы собравшийся уходить передумал.

Позвал Васин шофера Лощенко поговорить. Тот был раздражен и сначала в подробности вдаваться не желал: дескать, хватит, потрубил на колымагах достаточно, а теперь — шабаш. Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше, и тому подобное, все в общих словах.

Однако по тону Лощенко нетрудно было понять, что он чем-то обижен и о старых колымагах упомянул неспроста.

— Ты уж давай начистоту, Виктор Владимыч,— сказал ему Васин.— Что же нам друг с другом в прятки играть? Если недоволен чем, так и говори. Можно разобраться.

— О чем говорить? Ты мне, что ли, новый автомобиль дашь?

— Только в этом дело? — удивился Васин.

Лощенко невесело усмехнулся:

— Ты влезь в мою шкуру, попробуй двадцать лет на мертвой точке, ни туда, ни сюда. Другие и году не проработают, а уже пожалуйста — на другую машину, прибавка жалованья.

Васину было известно, что заводские шоферы ездят на специализированных машинах различных назначений. Оплата тоже соответственно различная.

— Замечаний по работе не было?

— Ни одного.

— Может, правила нарушал?

— В талоне проколов нет.

— Так почему ж тебя не переводят?

— Это ты у зама спроси,— сказал Лощенко.

— Тогда погоди до завтра, мы с ним потолкуем.

Заместитель директора при начале разговора изображал недоумение, но его прямо спросили: чем объяснить предвзятое отношение к шоферу Лощенко?

— Он ведь на уборку хлеба каждый год ездит,— многозначительно объявил зам.

Переглянулись, пожали плечами. При чем здесь уборка? И если Лощенко не отказывается ездить каждый год, спасибо ему.

— Да,— сказал зам.— Но они там, знаете, левачат. На руку охулки не кладут, будьте уверены.

— У вас факты есть?

Теперь уже зам пожал плечами.

— Мы же не маленькие дети. Иметь грузовик в своем распоряжении и не подхалтурить...

На этом беседа оборвалась.

Водитель Лощенко переменил свои намерения, остался на заводе и вскоре был переведен на другую машину, о которой и мечтал. А заместитель директора уволился с завода — нет, не из-за случая с Лощенко, по каким-то другим мотивам. Его никто не отговаривал.

Распространяться о том, что Лощенко стал работать лучше, нет нужды, это ясно. Главное, он и сына своего привел на завод. Теперь сын — кузнец, работает на 600-тонном прессе...

С прокатчиком Василием Карпухиным вышло недоразумение другого рода. На невнимание и на заработок он не жаловался, ни от него, ни о нем ни одного плохого слова никогда не слышали. Если парень честно работает и к тому же учится в вечернем техникуме, а после техникума поступает в институт — все только радуются. Но вот Карпухин перешел в институте на третий курс, и стало тяжело. Попросил начальника цеха разрешить ему работать все время в первую смену, чтобы освободить вечера для занятий и лекций. Тот отказал: перебьешься, мол. И у Карпухина оставался один выбор — или уходить с завода, или бросать институт. Пришлось вмешаться.

Начальник цеха довольно неубедительно оправдывал свой отказ Карпухину соображениями типа «если все захотят перейти в первую смену...».

— Если все, то, конечно, выйдет ерунда,— было ему сказано.— Но просит один Карпухин.

— Разрешишь одному, не откажешь другому.

— Но другие пока не учатся на третьем курсе.

— Учеба — это его личное дело.

— Ну вот, дотолковались, называется! Везде говорят и пишут: создадим все условия для тех, кто хочет получить образование без отрыва от производства, а мы будем мешать Карпухину. Что он

Р

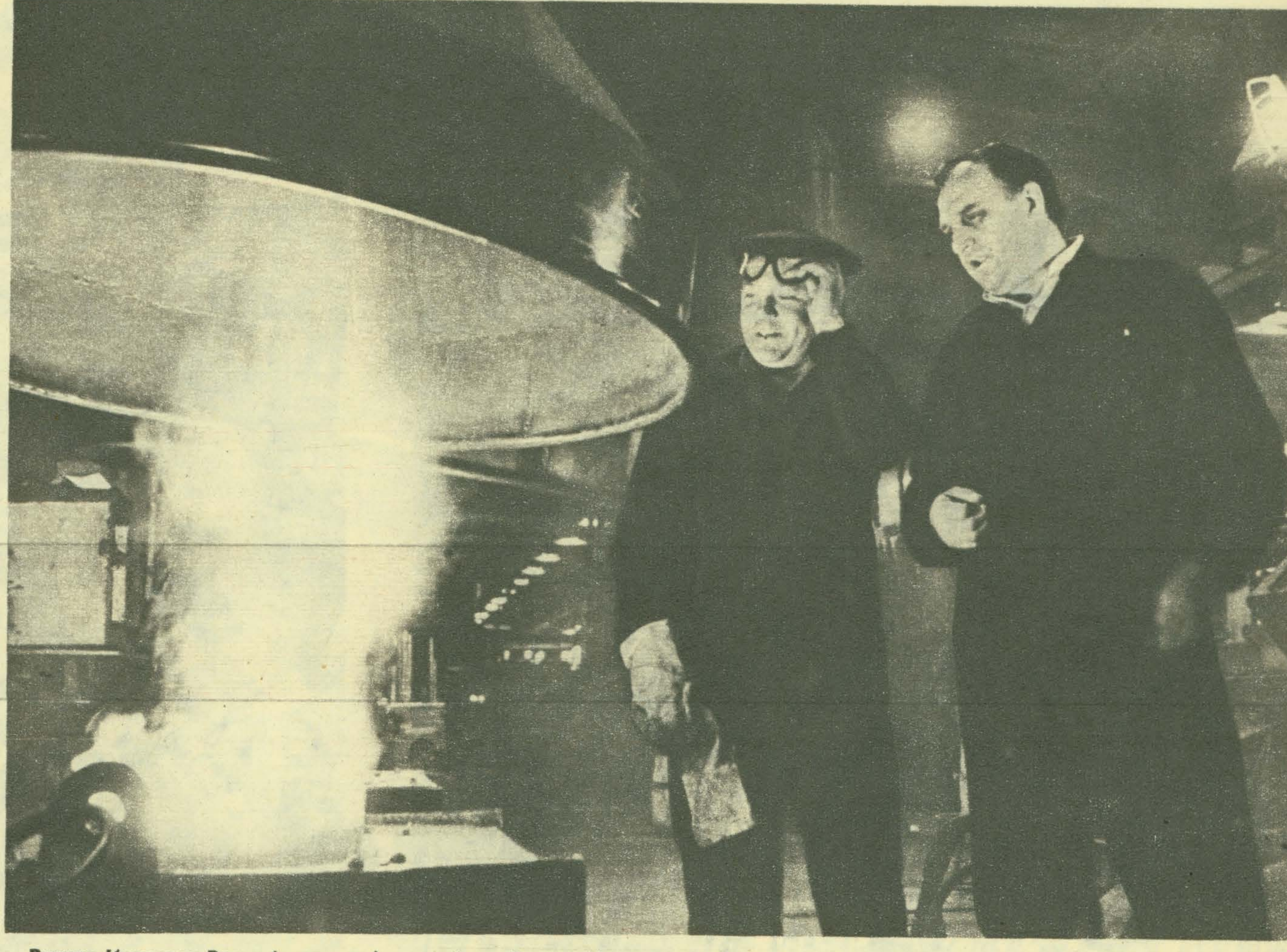
подумает? На словах одно, на деле другое.

Начальник цеха примолк. А поразмыслив, сказал:

— Да-а, нескладно... Придется пойти навстречу.

В общем, окончил Карпухин институт, получил диплом...

Нет, не пропали даром труды Галины Николаевны Гагаевой, которая вела курс психологии в школе тренеров при Государственном центральном институте физической культуры, где три года учился Васин после того, как оставил большой футбол — играл он как-никак в команде мастеров московского «Динамо»,— оставил из-за травмы: связки порвал. Есть, конечно, люди, которые на спорт и на все, что с ним связано, смотрят с иронической снисходительностью: знаем, говорят, эти игрушки — бей-беги и прочее. А человеку, если у него дочка в десятый класс перешла, на спортивную молодость оглядываться как-то и несолидно.

Виктор Иванович Васин (справа) и литейщик Виктор Иванович Темин.

Фото Б. Кузьмина.

Зачем оглядываться? Васин между делом тренирует заводскую футбольную команду, и она в прошлом году, например, заняла первое место в районе, а в розыгрыше кубка Москвы дошла до четвертьфинала. Но это, так сказать, досуг. А уроки Галины Николаевны пригодились на всю жизнь для работы, для общения с людьми в той сфере, которая называется производственной.

Подлаживаться под заводских рядовых, чтобы их понять, Васину нужды нет — он сам потомственный рабочий. И родился и жил в детстве на московской улице, которая называется Рабочей, и отец его был слесарем на заводе имени Войтовича, а мать — калибровщицей на «Серпе и молоте». И поступил он сюда, на московский завод по обработке специальных сплавов, тринадцать лет назад учеником плавильщика. И выучил его Александр Сергеевич Гавриков, который сейчас у него в смене бригадиром. И в партию принимали здесь же, в 1964 году. Не надо Васину напрягать воображение, чтобы понять психологию рабочего человека.

Все это хорошо, но что же делать с Н. Н., что предпринять? Время шло, а состояние его не менялось. Пора было переходить к действиям.

В тот день Васина особенно беспокоили химические анализы плавок, сделанных его сменой еще двумя сутками раньше. Анализы, полученные накануне, показали недостачу в сплаве одного важного компонента. Он сам, как всегда, составлял шихту, плавка шла у него на глазах, и ошибки быть не могло. Но беспристрастное заключение лаборатории гласило: не хватает этого компонента.

Подобные вещи бывают. И чаще всего причина — ликвация, то есть способность каждого из металлов при плавке образовывать в сплаве свои обособленные группы. Так шарики разлившейся по полу ртути, если их сметать, сливаются в один большой шарик. В индукционной тигельной печи, где металлическая шихта является звеном электрической цепи, различные металлы, расплавившись и став жидкими, циркулируют в тигле кругообразно под действием проходящего через них тока высокой частоты и таким образом должны перемешиваться. Но это упорядоченное, однообразное движение не обеспечивает равномерного размешивания по всему тиглю. Тут требуется ложка. Напрашивается сравнение с манной кашей: если ее во время варки не будешь постоянно помешивать, она получится неоднородной — где жидко, а где комками.

Недостача сотых долей грамма какого-то компонента в пробе, взятой сразу после плавки из тигля, в общем-то не чрезвычайное происшествие, но только не в случаях с такими ответственными сплавами. Сплав этот ко всему еще и очень дорогой, так что не об одной технологической ошибке встанет вопрос — и начет могут сделать на бригаду плавильщиков, а это ударит по карману. И по профессиональному самолюбию.

Повторные пробы берутся уже из готового слитка — в разных его концах высверливаются маленькие скважины, и металл отправляется в лабораторию. Повторная проба и беспокоила Васина, когда он принял смену.

Поднявшись по железной лесенке, узкой и крутой, как трап на военном корабле, к себе в конторку, он сразу же взял в руки пачку бланков с анализами. Да, не все ладно. Но бить тревогу было бы преждевременно. Надо еще раз послать пробу, взяв металл из другого конца злополучного слитка.

Васин отодвинул занавеску на стеклянной стене конторки, оглядел свой участок. Все на местах. Плавильщики засыпали в тигли медово поблескивавшую, словно сосновая, кудрявую стружку. По установившемуся порядку мастер составляет шихту, и накануне выписывает наряды на две плавки. Каждая продолжается час. Значит, у него есть два часа в запасе, чтобы вновь составить шихту.

Станочники — один из них был Н. Н. — манипулировали с тельфером возле штабеля длинных и плоских, как доски, серебристых слитков.

Виктор Иванович хотел спуститься, чтобы организовать отправку пробы, но тут зазвонил телефон: вызывали в заводоуправление.

Там Васину показали акт, составленный начальником караула. В нем официальным языком зафиксировано, что сегодня, четверть часа назад, строгальщик Н. Н. был задержан в проходной при попытке пронести на территорию завода спиртные напитки, а именно четвертинку водки, каковая у строгальщика Н. Н. конфискована, в чем и составлен настоящий акт.

Ну вот, только этого и не хватало. Может, напрасно он, Васин, оттягивал объяснение с Н. Н.? Упустил момент? Но в таких делах правил и расписаний нет, никто инструкций на сей счет не составлял. В расписания и графики отлично укладывается производственный цикл, а человека в них не уложишь.

Было собрание. Обсудили, осудили. Были сказаны уместные слова: на предприятии, регулярно занимающем первые места в соревновании всех масштабов, вплоть до всесоюзного, такие явления нетерпимы.

Администрация обошлась с Н. Н. достаточно сурово: лишили премии и постановили срезать тринадцатую зарплату на пятьдесят процентов. Решение справедливое, правильное. Но Васин считал эту четвертинку лишь следствием. Необходимо было действовать дальше. И первым долгом нужно узнать, чем живет Н. Н. вне завода. Вторгаться в семейные пределы — штука щепетильная, но без этого не обойтись.

Васин встретился с женой Н. Н., и ему сразу открылись все причины. Было семейное горе. Чем тут поможешь?

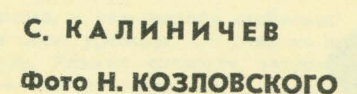
Обсудил Васин с женой Н. Н., как им лучше действовать с двух концов. Ну, а остальное было вопросом терпения и такта. Не согнулся Н. Н., выправился.

Виктор Иванович частенько вспоминает об этой истории, она его кое-чему научила. А наука тут нужна.

Автомобильный мотор имеет столько лошадиных сил, сколько в него заложено конструкторами. Если по технологии требуется вести плавку в течение часа, то за пятнадцать минут ее не выдашь. А человек не запрограммирован, может сделать лучше или хуже, больше или меньше,— все зависит от того, как он понимает самого себя и свое место в общем народном строю. Об этом должен мастер беспокоиться. Такая у него работа.

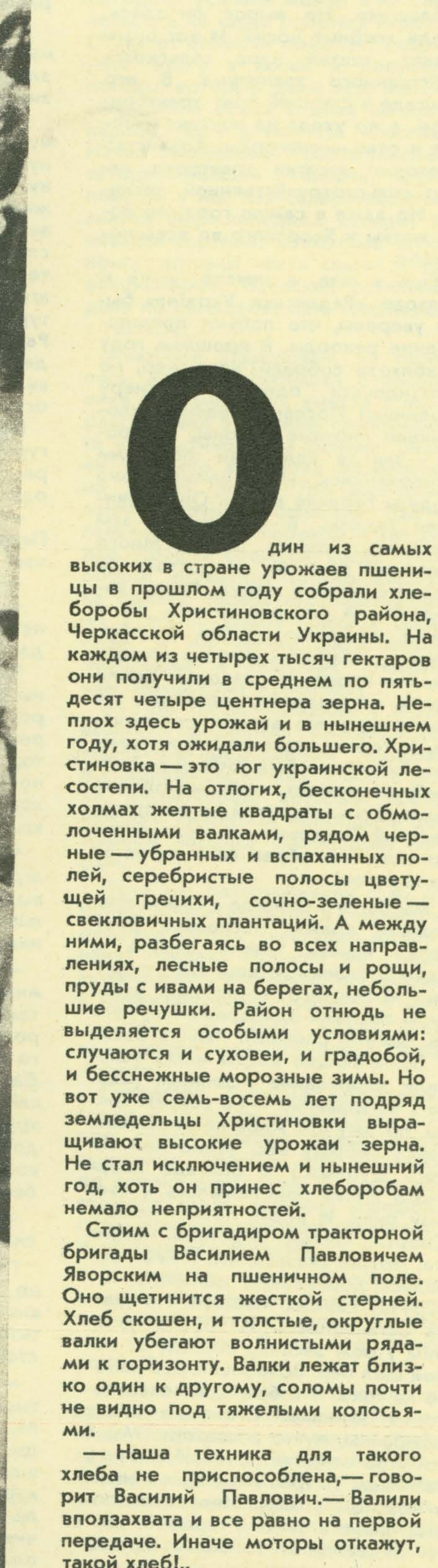
Не каждому случалось видеть такие богатырские валки.

И ХЛЕБ И,

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Один из самых высоких в стране урожаев пшеницы в прошлом году собрали хлеборобы Христиновского района, Черкасской области Украины. На каждом из четырех тысяч гектаров они получили в среднем по пятьдесят четыре центнера зерна. Неплох здесь урожай и в нынешнем году, хотя ожидали большего. Христиновка — это юг украинской лесостепи. На отлогих, бесконечных холмах желтые квадраты с обмолоченными валками, рядом черные — убранных и вспаханных полей, серебристые полосы цветущей гречихи, сочно-зеленые — свекловичных плантаций. А между ними, разбегаясь во всех направлениях, лесные полосы и рощи, пруды с ивами на берегах, небольшие речушки. Район отнюдь не выделяется особыми условиями: случаются и суховеи, и градобой, и бесснежные морозные зимы. Но вот уже семь-восемь лет подряд земледельцы Христиновки выращивают высокие урожаи зерна. Не стал исключением и нынешний год, хоть он принес хлеборобам немало неприятностей.

Стоим с бригадиром тракторной бригады Василием Павловичем Яворским на пшеничном поле. Оно щетинится жесткой стерней. Хлеб скошен, и толстые, округлые валки убегают волнистыми рядами к горизонту. Валки лежат близко один к другому, соломы почти не видно под тяжелыми колосьями.

— Наша техника для такого хлеба не приспособлена,— говорит Василий Павлович.— Валили вползахвата и все равно на первой передаче. Иначе моторы откажут, такой хлеб!..

Неподалеку грохотали комбайны, подбирающие тяжелые валки. Из длинных хоботов били струи половы, наполняя прицепы.

Василию Павловичу лет три-

Артисты приехали! На току колхоза «Радянська Україна».

К ХЛЕБУ

дцать пять, он высокого роста, крепкий, чернобровый — таким мне представляется Остап Бульба. Из разговора узнал, что бригадир четыре года «море пахал», был старшиной мотористов на минном тральщике. Но вырос он здесь, среди хлебных полей. И вот оканчивает третий курс сельскохозяйственного техникума. В его бригаде и старший брат трактористом, а до ухода на пенсию работал и отец — слесарем. Хозяйство сложное: десятки тракторов, набор сельскохозяйственной техники. Но даже в самую горячую пору жатвы у Яворского во всем порядок.

Еще в мае, в начале июня в колхозе «Радянська Україна» были уверены, что побьют прошлогодние рекорды. В прошлом году в колхозе собрали, например, по шестидесяти одному центнеру пшеницы! Посевы с весны напоминали плотные газоны, а горохи — так те зелеными облаками кучерявились. Но в начале июня подули горячие ветры. Они обжигали посевы. В считанные часы менялась окраска полей. Много пшеницы полегло, не достояв до полного налива зерна. Горох запалился. А прошел дождь, он и ожил, вторично пошел в рост. Первые обмолоты гороха показали, что процентов двадцать зерен так и не вызрело, основная же масса стручков вот-вот полопается, и горох просыплется на землю. Тут нужен был точный расчет: выбрать момент, чтобы и молодой вымолотить и старый не потерять. Василий Павлович так подготовил бригаду, что убрал весь горох за двое суток!..

Мы были в бригаде в самое тревожное время. Несколько дней назад начали валить ячмень и озимую пшеницу (еще один сюрприз нынешнего года: обе культуры поспели одновременно, чего не бывало раньше). Ранняя весна и обжигающие ветры июня ускорили вызревание пшеницы. (Сказать вызревание — не совсем точно, потому что жара не позволила хлебу набрать вес, зерно получилось щуплым.) В бригаде Яворского жатва приближалась к своему пику. И вдруг пошел дождь. Спорый, частый. И долгий. Конечно, можно сказать, что с неба сыпались добавочные центнеры кукурузы, свеклы, овощей. Но жатва остановилась. И только поздним утром засияло солнце, от полей шел пар. Возобновилась работа на току. А в бригаде механизаторов затишье. Стоят на плацу комбайны, пусто в конторе. Мы в то утро сидели с комбайнером Василием Петровичем Лукьяником в красном уголке. Иногда он посматривал в окно и говорил: «Если будет печь, то валки быстро просохнут...»

У Василия Петровича это двадцатая жатва. За свою первую, на целине, он получил медаль «За трудовую доблесть». А в прошлом году правление колхоза за успехи на жатве подарило ему телевизор. Василий Петрович рассказывал мне о семье, о дочках, о том, что он каждый год после уборки урожая в своем колхозе ездит на выручку к соседям. Одиннадцать месяцев в году работает газослесарем. В здешнем селе, Заячковке, обслуживает газовые плиты, устанавливает, ремонтирует, ездит в Умань заправлять баллоны газом, развозит потом их по хатам. А «хаты» — кирпичные, под шифером, есть и двухэтажные.

— Комбайнер — особая должность,— говорит он.— Тут машину надо знать, как себя. Однако не до беседы, вон как солнце припекает! — посмотрел комбайнер еще раз в окно.

На бригадном плацу по-прежнему было безлюдно. У забора стоял трактор, и чумазый парень возился в моторе.

— Артисты приехали! — заглянув в двери красного уголка, крикнула веснушчатая девочка. На току уже стояла автолавка со свежим пивом и прочими товарами, автобус комбината бытового обслуживания, и пока будущие зрители толпились возле этих машин, агитбригада районного Дома культуры готовилась к выступлению. Работавшие на току принесли два десятка мешков с зерном и поставили их вместо кресел. «Галерка» осталась на ногах.

Но вот появилась могучая фигура Василия Павловича. Бригадира отовсюду видно. Подошел к одному, к другому...

— Пора! — сказал мне Василий Петрович Лукьяник.— Через полчаса моторы запускать.

— Очень уж спокойно у вас...

— Нет нужды суетиться. Подгонять никого не приходится. Страда.

Через несколько минут комбайны стали выходить из широких ворот бригадного стана. Нынче широко применяется поточный метод уборки: одновременно с зерном убирается измельченная солома, следом пускают лущильники. Ниву готовят под посев.

Через полчаса мы с главным агрономом района Анатолием Давыдовичем Чуйко подъехали к пшенице, там уже самосвалы принимали зерно от комбайнов.

— Ну, теперь пошли! — сказал Анатолий Давыдович.— Теперь дотемна, а то и ночь прихватят, пока роса не упадет. Тут и труды целого года, тут и азарт соревнования. Да и как уйдешь от доброго поля! Центнеров по пятьдесят на круг, пожалуй, намолотят с каждого гектара. А на таком вот поле, возможно, и под семьдесят. Это без полива.

— С погодой повезло? — спросил я.

Главный агроном снисходительно улыбнулся. Анатолий Давыдович небольшого роста, подтянутый, лицо умное, продубленное степными ветрами.

— Погода? Две с половиной тысячи гектаров свеклы пересеяли... А некоторые участки — дважды. Градом выбило. Дожди помешали своевременно посеять и кукурузу. Пшеница почти вся полегла. Так что погода самая неустойчивая. Чтобы сохранить влагу в почве и получить с осени крепкие всходы, мы под озимую пшеницу, как правило, не пашем, а только лущим поле на глубину в четыре—шесть сантиметров.

Все девятнадцать хозяйств Христиновского района из года в год получают высокие, а главное, стабильные урожаи. За десять лет средняя урожайность зерновых по району выросла почти в два с половиной раза! Даже и в нынешнем году здесь надеются получить в среднем по району не менее пятидесяти центнеров пшеницы с гектара. Я спросил у главного аг-

Первый секретарь райкома партии Александр Андреевич Грицай среди механизаторов.

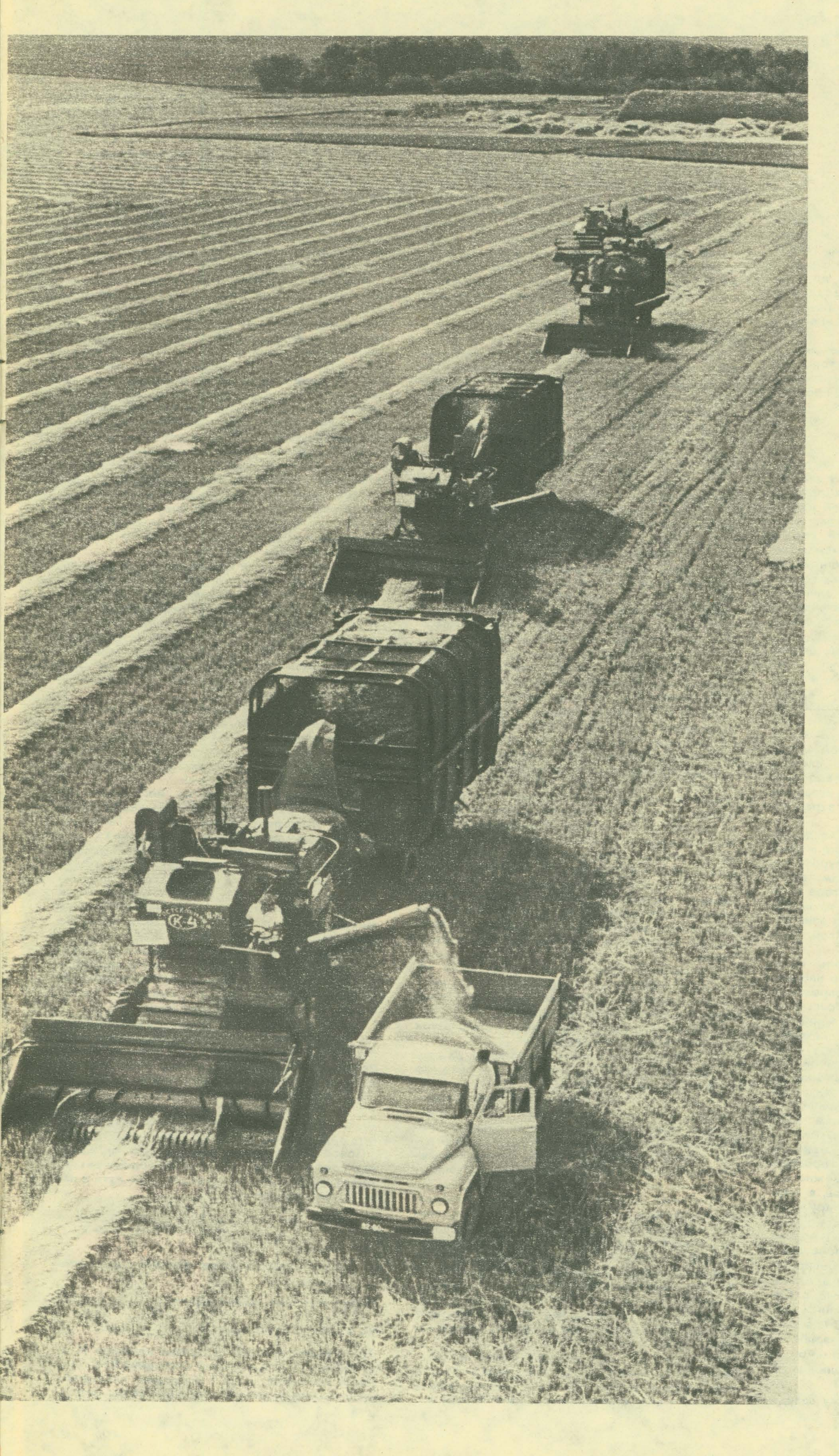

Помощник бригадира тракторной бригады Иван Филиппович Маковей.

Главный агроном райсельхозуправления Анатолий Давыдович Чуйко доволен урожаем.

Так убирают пшеницу в колхозе «Радянська Україна», Христиновского района на Черкасщине.

ронома, в чем основа стабильности таких урожаев. Он ответил не сразу. Размял сигарету, закурил:

— Мы не чураемся нового. С прошлого года под озимую пшеницу не пашем. Конечно, если бы вспахать, да обильных дождей дождаться, и посеять вовремя — растения будут чувствовать себя лучше. Но дело в том, что идеальных погодных условий может и не случиться, а на авось работать нельзя. Отказ от вспашки помогает сохранить влагу в почве и получить всходы, которые даже при неблагоприятной осени и зиме не пропадают. Есть в колхозе «Россия» Иван Михайлович Белопольский, авторитетнейший человек, агроном, он у нас как сельскохозяйственная энциклопедия... Следим за новыми сортами, колхозные агрономы достают часть семян у селекционеров. «Донская остистая» дала по семьдесят пять центнеров с гектара!

Анатолий Давыдович, не торопясь, как бы приглашая собеседника поразмышлять вместе с ним, рассказывал о системе севооборота в Христиновском районе. Земли каждого хозяйства разделены на десять полей. Три ежегодно заняты озимой пшеницей, два — свеклой, одно — горохом и так далее. Прошли времена, когда севооборот оставался только схемой на бумаге, теперь агроном—хозяин в степи. Земля — живой организм, и ей четкий ритм жизни необходим в большей степени, чем заводскому конвейеру.

— При таком уважении к агрономии,— продолжал Анатолий Давыдович,— председатель колхоза и специалисты не выступают в роли диспетчеров, которые после каждого сюрприза природы в пожарном порядке «принимают меры».

Пока мы разговаривали с А. Д. Чуйко, подъехал первый секретарь райкома партии Александр Андреевич Грицай. Прошел по полю, всматриваясь в стерню, поговорил с механизаторами, подошел к нам.

— Нелегко дается людям жатва,— сказал он,— почти все хлеба полегли.

Секретарь райкома завел разговор о том, что надо искать новые сорта пшениц. Большинство нынешних хороши при урожаях до сорока центнеров. А когда им создают столь высокий агрофон, солома не выдерживает, полегает. И уборка осложняется.

— Спасибо механизаторам,— говорит Александр Андреевич,— они умудряются с земли поднять до зернышка. Каких это стоит усилий!

...Мимо нас, грохоча, проползал комбайн Василия Петровича Лукьяныка. Подборщик, как живая рука, приминал стерню, осторожно поднимая с нее валок. От струи половы ветер нес серый хвост пыли, а из бункера в кузов самосвала тяжело сыпалась пшеница. Поле отдавало людям плоды их труда.

Когда мы уезжали из Христиновки, с юго-востока, закрывая полнеба, надвигались плотные, пепельно-серые тучи. Заходил обложной дождь.

— Опять уборка приостановится,— сказал секретарь райкома.— А все равно дождь кстати. Мы ведь производим не только хлеб. И многое к хлебу! Кстати, пятилетнее задание по продаже мяса государству район выполнил.

В разговор вмешались первые, уже недалекие раскаты грома.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Москва, Первый Дмитровский проезд, дом № 10. Этот адрес хорошо знают нефтяники Самотлора, геофизики Узени, изыскатели Ромашкинского и Бондюжского месторождений. Задолго до того, как начинает работать первая промышленная скважина, она появляется на стендах Всесоюзного научно-исследовательского института нефти.

Не бывает двух совсем одинаковых людей, так не найти и два одинаковых месторождения. Нефть всегда разная. Иногда она твердая и вязкая, по ней можно ходить не проваливаясь; бывает словно сливочное масло — режь ножом; но есть и такая жидкая и чистая, что хоть сразу заправляй в машину.

Кладовые, где хранится это неповторимое чудо земли, тоже не похожи друг на друга. Вот почему ученые стремятся в своих лабораториях максимально приблизиться к природным условиям. Бурение только одной нефтяной скважины требует затрат десятков тысяч рублей, огромного труда изыскателей, геофизиков, буровиков. Поэтому прежде чем в сибирской тайге, песках Туркмении или в далекой тундре вырастет первая вышка, эксплуатация нефтяного месторождения полностью «проигрывается» в лабораториях геофизиков, в колонках цифр экономистов, в электронном мозгу счетно-решающих машин.

Геологи определят строение пласта, запасы нефти и газа. Физики и гидродинамики заглянут на сотни и тысячи метров в глубь земли; химики и инженеры предложат строго индивидуальные для каждого случая методы добычи; конструкторы, технологи, экономисты подскажут, как выгоднее вести эксплуатацию. И всю жизнь от первых изысканий до промышленных разработок нефтяную и газовую скважину сопровождают математики и кибернетики...

— Давление в пятьдесят первой скважине упало на 39 атмосфер,— взглянув на экран осциллографа, говорит дежурная.

Ради точности замечу, что упало не давление, а электрическое напряжение, и не в скважине, а на ее модели. Однако дежурная так привыкла к своей работе, что и впрямь видит перед собой точные данные о характере нефтяной скважины, расположенной где-то на Каме. Только здесь, в модели, проходит электрический ток, а там, глубоко под землей, движутся вода, нефть, газ.

Идет эксперимент. Задача — снизить количество воды, добываемой вместе с нефтью.

— На этой машине можно одновременно моделировать работу 750 скважин,— рассказывает заведущий отделом вычислительной математики и кибернетики Михаил Михайлович Максимов.— Мы наблюдаем всю работу скважин, изменение давления в определенной точке пласта, как нагнетается вода, каков выход нефти. Это можно увидеть на электрической схеме и подсчитать на цифровой машине.

БЭСМ-6 расположилась в соседнем зале. Она производит миллион действий в секунду. Максимов, как опытный гид, ведет меня по нефтяным районам страны. Здесь, в просторных залах вычислительного центра, можно совершить экскурсии в таежную Сибирь, в жаркие пески Туркмении, в северную тундру и даже в другие страны.

Только что мы стояли у скважин Бондюжского месторождения на Каме, а перешли в соседний зал и попали в Ирак, в Северную Румейлу. Разработка этого нефтяного месторождения ведется по договору Ирака с Советским Союзом. Московские нефтяники побывали в Ираке, а здесь в институте на машинах воспроизводилась вся история разработок в Северной Румейле, делался прогноз на будущее, находились оптимальные решения эксплуатации скважин.

Еще несколько шагов по машинному залу, и мы попадаем в атмосферу проблем, волнующих нефтяников Жетыбая, месторождения в Западном Казахстане. А совсем рядом — ставший уже легендарным Самотлор. Только здесь для него наступил уже 1985 год. Машина дает прогноз добычи нефти на будущее.

Если до сих пор я видела в вычислительном центре молодых и хорошеньких женщин в белых халатах, то около этой установки трудятся в основном мужчины. Они ведут наладку приборов, представляющих собой сложный симбиоз аналоговых и вычислительных машин.

— Аналоговая машина — модель, на которой наглядно видишь процессы, происходящие, скажем, в нефтяном пласте,— объясняет М. М. Максимов.— Цифровая машина дает количественные данные. Мы решили соединить их достоинства и создали автоматическую систему «Сатурн». На ней мы вели, например, исследования добычи нефти в Ираке. А сейчас приступаем к разработке Узеньского месторождения.

Узень... Это название я слышала почти во всех отделах института. И не случайно: уж очень крепко держит там природа свои богатства, отдаст их лишь тем, кто терпеливо и усердно подбирает ключи к ее кладовым.

Я видела нефть этого месторождения, расположенного в Казахстане, недалеко от города Шевченко. Черная, очень вязкая, почти как гудрон, она сразу затвердевает на воздухе. Даже невозможно представить, как эту не желающую течь массу выжимают из пор породы, заставляют подняться на поверхность, как перекачивают по трубам.

Под землей не бывает ни морей из нефти, ни озер. Это ценнейшее полезное ископаемое пропитывает породу, словно вода губку. И никакой великан не смог бы выжать ее. Здесь нужны хитроумные способы, сложная техника, иначе не получишь из пласта нефть или газ. Так бывает всегда, но на Узеньском месторождении трудностей особенно много.

Лабораторные исследования показали, что нефть там содержит очень много парафина, поэтому она такая вязкая, не желает течь, быстро застывает на воздухе. Даже при летней жаре по ней можно ходить.

Из первых скважин отобрали и образцы керна. Их тоже внимательно исследовали в лабораториях. Оказалось, что и порода, в которой залегает нефть, резко отличается от других известных месторождений. Пласт состоит не только из кварцевого песчаника, как обычно бывает, но и из глины, полевых шпатов, слюды, обломков различных горных пород. А это значит, что поры — каналы в пласте, по которым течет нефть,— неровные, шероховатые, что еще больше затрудняет ее движение.

— Да, задала узеньская нефть задачу всему нашему институту,— говорит Серафим Владимирович Сафронов, руководитель лаборатории аномальных месторождений, главный ответственный за решение проблем добычи нефти в Узени.

— Начнем с того, что мы предложили закачивать в скважину не холодную, а горячую воду,— рассказывает Сафронов.— Опыты показали, что температура ее должна быть не менее 80—90 градусов тепла. Ведь температура нефти в пласте уже 60 градусов.

— Откуда же вы взяли столько воды, да к тому же еще горячей? — удивляюсь я.— Ведь это почти целая кипящая река!

— Вы совершенно правы, река,— соглашается Сафронов.— Сейчас я скажу точнее, сколько нам нужно воды.— Он минуту пишет на листке цифры, ведет какие-то подсчеты.—120 тысяч кубических метров в сутки, две тысячи железнодорожных цистерн емкостью в 60 тонн!— объявляет он.

Проблема обрастала нерешенными вопросами, будто ком, который катится с горки, снегом. Пресная вода в Казахстане дорога — значит, надо брать соленую. Но тогда вставал вопрос о создании нового оборудования, не боящегося коррозии. Кроме того, при закачке горячей воды металлические конструкции расширяются — значит, вставала проблема упрочнения скважин. И наконец, как греть эту соленую реку, которой предстояло вытеснить из-под земли нефть?

— Нагревать воду решили прямо у скважин,— продолжает С. В. Сафронов.— Уже в этом году поступят простые и экономичные установки для нагревания воды. В 1976 году мы начнем закачивать 10 процентов горячей воды, а в 1979-м — только горячую. Опыты показали, что это на несколько процентов повысит выход нефти.

Я вспомнила, что в самом начале моего знакомства с институтом заместитель директора лауреат Ленинской премии М. Л. Сургучев рассказывал, как все лаборатории института борются за каждый лишний процент нефтеотдачи. Один дополнительный процент добычи нефти равен открытию нового крупного месторождения.

— Одним нам решить все эти проблемы было не по силам,— говорит Сафронов.— Нам помогали сотрудники института имени Губкина, специалисты многих предприятий, нефтяники на местах.

Впрочем, и сотрудники ВНИИнефть потрудились немало. Все отделы института работали как единый, слаженный организм. Геологи, математики, геофизики словно чувствовали биение пульса друг друга. В отделе геологии построили специальные карты по каждому пласту в отдельности (а их в Узени больше пятидесяти), уточнили запасы нефти и газа, растворенного в ней. Без этих данных нельзя было даже приступать к разработке месторождения. В лаборатории физики пластовых жидкостей придирчиво изучили свойства нефти на разных глубинах. В отделе техники добычи наметили способы эксплуатации скважин по годам, вплоть до 1991 года, подсказали промысловикам, как будут меняться способы добычи, в каких конкретно скважинах и какое оборудование надо использовать. Самая новейшая техника, самые современные идеи использованы в проекте разработки этого месторождения.

Я видела модели и установки, на которых шли исследования сложного процесса вытеснения нефти из пласта с помощью радиационных методов. В установку, которая моделирует пласт, вместе с нефтью вводится радиоактивный изотоп. Словно маленький разведчик, он ведет репортаж о том, что видит на своем пути. За его путешествием следит специальный прибор. Так пласт как бы просвечивается, невидимое делается видимым.

Здесь же создана аппаратура для исследования скважин тоже с помощью радиоактивных изотопов. Скважины бывают совсем малого диаметра — в 15, а иногда даже и в 10 сантиметров. Представляете, как миниатюрна, легка и надежна эта аппаратура!

Исследовательский полигон института — вся страна. Ученые трудятся там, где ведутся разработки известных месторождений. Пожалуй, больше времени, чем в лабораториях, они проводят в командировках. Например, директор ВНИИнефть крупный ученый, награжденный орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, профессор Г. Г. Вахитов разбирался в узеньских проблемах на месте. Эта работа явилась основой новых проектных решений эксплуатации месторождения.

Серафим Владимирович Сафронов работает в институте уже больше двадцати лет. Объездил всю страну, побывал за рубежом. Но наиболее твердым орешком оказалась Узень. Сейчас этот твердый орешек раскушен.

Перед сотрудниками института встают новые задачи, ибо все больше нефтяных месторождений наносится на карту страны. Достаточно сказать, что в этом году будет добыто 485—490 миллионов тонн нефти.

В энергобалансе страны она займет 67 процентов. И ученые должны снизить себестоимость этого ценнейшего ископаемого, увеличить процент нефтеотдачи.

Поиск продолжается. Еще много нерешенных проблем встанет перед исследователями. Много новых скважин пройдет свой путь в лабораториях института.

●

На экране — информация о свойствах нефтяного пласта.

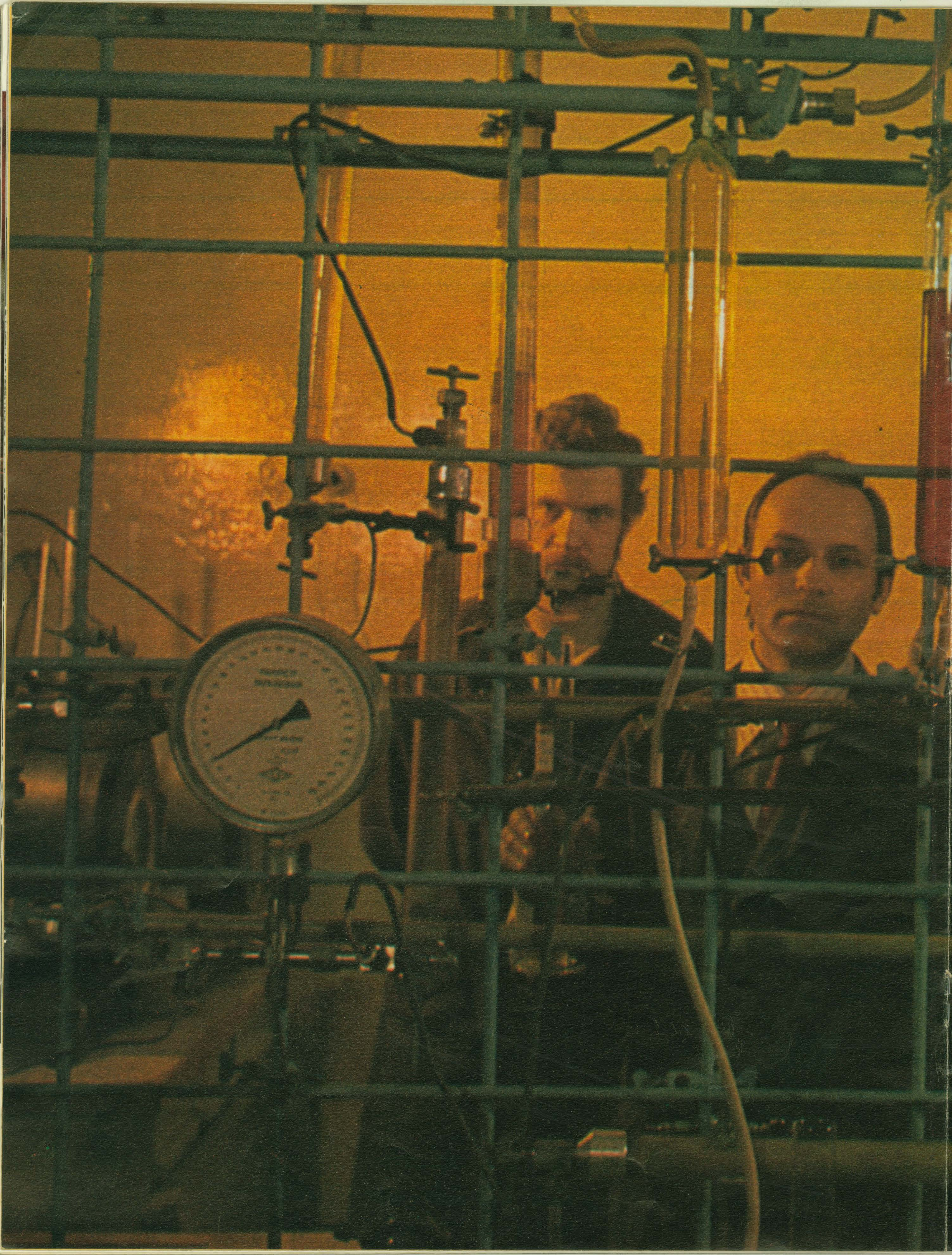
Радиоизотопные исследования.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Отдел новых методов. Старший инженер И. Т. Олейник, старший научный сотрудник В. А. Широков, инженер Д. П. Забродин исследуют специальные растворы для извлечения нефти.

УЗЕНЬ НА СТЕНДЕ

Сергей ВЛАСОВ

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ПОД СЕРДЦЕМ

Знакомый инженер рассказывал мне о вживлении в организм человека сердечного стимулятора: «Это очень простая операция, очень. Делается надрез на груди, под кожу вставляют стимулятор, от него через вену внутрь больного сердца вводится электрод, по которому к сердцу идут электрические импульсы и навязывают ему нужный ритм. Зашивают — и все!»

Для инженера все было просто.

И вот я на операции. Проводит ее хирург С. С. Григоров. Сегодня у него обычный рабочий день, обычный пациент, обычная операция. Хирург внимательно проверяет, все ли готово.

— Пульс?

— Двадцать семь.

— Как самочувствие, Александр Андрианович? — обращается он к больному.

— Нормально.

Больной отвечает скорее машинально, чем осознанно. У него полная поперечная блокада сердца. После тяжелого ревматического порока оно не в состоянии работать в полную силу и бьется почти в три раза реже. А может и совсем остановиться. Хирургу предстоит сегодня вернуть человека к нормальной жизни. Как? С помощью сердечного стимулятора, который лежит сейчас рядом с инструментами в специальной банке со спиртом. Небольшой, чуть больше спичечного коробка, он напоминает обыкновенную зажигалку. После операции в груди пациента будут биться два сердца: свое и электронное.

— Ну что ж, начнем,— обращается Григоров к своим двум молодым ассистентам Надежде Лужиной и Валентине Семеновой.

Сделан местный наркоз — на груди под ключицей образуется узкая полоска «лимонной корочки».

— Скальпель.— Лимонная корочка раздвоилась, обнажив живую ткань...

Знаете ли вы, почему бьется сердце? Так вот, бьется оно потому, что его особый нервный узел, так называемый водитель ритма, постоянно посылает по разветвленному нервному пути импульсы, которые и заставляют сокращаться желудочки сердца. Но в результате болезни, например, инфаркта, этот нервный путь в каком-нибудь месте может быть перекрыт, блокирован. Поэтому болезнь и называют блокадой. Мудрая природа это предусмотрела — функции водителя ритма она передает другому участку нервного пути. Но дублер посылает импульсы значительно реже. Он не приспособлен к длительной работе. Когда-то человека на этом этапе ждала неминуемая гибель.

Сегодня на помощь сердцу приходит миниатюрная электростанция. Она не только вызывает сокращения сердца, но и руководит его работой. Уже созданы и вживляются биоуправляемые стимуляторы, которые регулируют сердечный ритм в зависимости от физической нагрузки. Вы только вдумайтесь, ведь это же фантастика — кибернетическая система управляет функциями живого организма! Но создать такую систему врачам, конечно же, было не под силу. Им на помощь пришли инженеры. Коллегами Григорова стали сотрудники Московского инженерно-физического института во главе с доцентом И. А. Дубровским.

К сожалению, срок службы стимулятора ограничен двумя-тремя годами — после этого источник энергии истощается. Стимулятор надо менять, значит, новая операция. Сегодня Григоров с инженерами работает над созданием стимулятора, который бы можно было время от времени подзаряжать извне. Работы ведутся на собаках.

Одним из первых в нашей стране Григоров начал работать над проблемами сердечной электростимуляции. Он провел около половины всех операций по вживлению стимуляторов, сделанных в Советском Союзе. А это более тысячи имплантаций.

...Скальпель добрался до вены, идущей к сердцу. Хирург надрезает ее и вводит электрод — гибкую проволочку из нержавеющего сплава, покрытую полимерной пленкой. Теперь его надо протолкнуть внутрь сердца. Как неправдоподобно должно это звучать, ведь раньше для хирурга было первым законом: любое инородное тело от сердца долой. А теперь сам хирург вводит металлический электрод внутрь сердца. И не на минуту-другую — на годы. Поэтому необходимо, чтобы электрод надежно засел в складках желудочка. Это самая ответственная часть операции. Ее проводят вслепую. Глазом хирурга становится луч электронно-оптического преобразователя.

Преобразователь включен. На телеэкране слабо пульсирует сердце. К нему-то и стремится спасительный электрод. Еще одно усилие хирурга — и электрод коснулся стенки желудочка. Теперь в сердце нужно найти для него укромный закуток.

К электроду подсоединяют стимулятор. Сейчас он должен навязать сердцу свой ритм — 68 ударов в минуту.

— Навязывает?— спрашивает хирург. Ему отвечает кардиоскоп. На экране мечется яркий маленький зайчик. Сначала медленно, потом вдруг сразу быстрее. Все в порядке.

— Ну-ка, Александр Андрианович, перевернитесь, пожалуйста, на правый бок... Так.— Проходит несколько секунд. Зайчик, как будто внезапно устав, снова еле ползет по экрану — контакт нарушился, стимулятор работает вхолостую. Значит, надо найти новое положение для электрода. А сделать это, наверное, не легче, чем, держа руки за спиной, продернуть нитку в игольное ушко...

Сегодня рано утром Григоров делал свой обычный обход больных. Вместе с ним был и я. В коридоре меня тронул за рукав пожилой человек в больничном халате. Мы отошли в сторону.

— Извините, с вами говорит человек с того света. Не пугайтесь, но в этой невеселой шутке большая доля правды. Восемь лет назад меня уже списали, ждали, когда умру. Я бы обязательно умер — неизлечимой болезнью была тогда блокада. Но вот пришел человек и подарил мне жизнь. Этот человек Сергей Семенович Григоров. Раньше я в постели с бока на бок перевернуться без посторонней помощи не мог. Теперь траву кошу, почти пуд поднять могу. Здесь, в клинике, я потому, что менять мне стимулятор будут. Срок работы прежнего кончается.

Для Сергея Семеновича мы, больные, как родные, — продолжал он.— Если приезжают из другого города на операцию, а мест в клинике пока нет, так у него ночуют. За больными-то наш хирург следит, а вот на себя внимания не обращает. Сам часто за сердце хватается, валидол сосет. В прошлом году у него был сильный приступ стенокардии, пять дней в реанимации лежал, в соседней больнице. А когда немного поправился, сестер посылал узнавать, как себя чувствуют его больные.

Биографию Григорова я уже знал. В семнадцать лет ушел добровольцем на фронт. Всю войну прошел, командовал артиллерийским взводом. Три раза был ранен. Хоть с детства и мечтал быть геологом, но на войне столько страданий увидел и сам перенес, что решил стать врачом. Окончил институт и с 58-го года работает здесь, в институте имени Бакулева. Четыре года назад докторскую диссертацию защитил...

— Пульс? — спрашивает хирург.

— Шестьдесят восемь.— Все в порядке. Ритм устойчиво навязывается сердцу. Значит, можно зашивать. Проходит минута, другая. И вдруг:

— Сергей Семенович, смотрите! Зайчик на экране кардиоскопа снова еле ползет. В чем дело? Ведь телеэкран показывает, что электрод надежно прилип к сердцу. Непонятно.

— Надо проверить электрод,— говорит Григоров.

— Нет, с ним все в порядке. Значит, испортился стимулятор. Так и есть, барахлит, вот черт. Давайте другой...

Пошел третий час операции. Хирург снова проталкивает в вену непослушный электрод. Снова в груди больного ищет для другого стимулятора место поудобнее.

— Пульс?

— Двадцать два.— Зайчик на экране еле ползет, совсем обессилел. И вдруг он замирает. Сердце остановилось.

«Это очень простая операция, очень».

Григоров подсоединяет к электроду стимулятор. Кардиоскоп молчит. Проходит секунда, другая. И вот всплеск — ох, как неровно бьется сердце! Постепенно ритм его становится более четким.

— Ну вот, ребята, порядок.— Даже через марлевые повязки видно, как радостно улыбаются «ребята».

На рану накладывают швы. Операция окончена. Хирург стягивает перчатки и выходит из операционной. Садится у окна. Немного подождав, я спрашиваю:

— Сергей Семенович, а часто стимуляторы выходят из строя?

— Не часто. Но если бы они выходили из строя и в десять раз реже, то и тогда это было бы преступлением.

— А кто отвечает за их производство?

— Думаю, что не стоит их называть! Они сами все отлично знают. Только вот что обидно. Хирурги все время ищут возможность, как облегчить операцию для больного. Но из-за плохого качества стимуляторов все усилия врачей могут быть напрасными.

Григоров встает, снимает халат, и мы с ним выходим в коридор. Мимо нас санитарки провозят Александра Андриановича. Он пытается улыбнуться хирургу. Улыбка благодарности, давшаяся больному, наверное, с таким трудом.

— Без стимулятора его жизнь могла бы оборваться в любую минуту,— говорит мне Григоров.— А со стимуляторами пациенты наши обзаводятся семьями, рожают детей, бегают на лыжах, катаются на велосипеде и ходят на танцы...

Вот так в союзе медицины и техники родилось это чудо — электростанция под сердцем, возрождающая жизнь.

◀ Исследовательский полигон института — вся страна: разработки нефти и газа на местах. ● Кандидат технических наук С. В. Сафронов. ● На аналоговой машине вычислительного центра моделируется добыча нефти в Узени. ● Лабораторня подземной гидродинамики.

Владислав ШОШИН

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Идет весна победным маем,
Идет нехоженым путем,
Береза шепчет: расцветаем,
Сосна шумит: не отцветем!

Но Днем Победы, в душу бьющим
Восторгом мирной синевы,
Ползут меж прошлым и грядущим
Противотанковые рвы.

И пусть на небе незакатном
Ни туч сегодня, ни теней,
Идет душа путем обратным —
Он с каждым годом все длинней.

Не гаснуть на сердце могилам,
Приблизившим победный май,
Мы повторяем с прежним пылом:
Страна огромная, вставай!

О прошлом мы напомним сами
И, словно горизонт свинцов,
Свой гимн повторим голосами
Уже умолкнувших бойцов.

И пусть весна победным маем
Идет нехоженым путем,
Мы вместе с прошлым расцветаем
И никогда не отцветем!

РАЗГОВОР С ЗАРУБЕЖНЫМ КИНОКРИТИКОМ

Дикцией блистая идеальной,
Морщась, будто жжет его гастрит,
Он вещает нам: «Сентиментально!
«Мелодраматично!» — говорит.

Но экран опять твердит упрямо
О великом на веки веков...
Что ж за горло эта «мелодрама»
Не детей берет — фронтовиков?

Не впервой людей, как рожь, косили
И над Русью плавились грома,
Но впервые в битву за Россию
Встала революция сама.

Вечность гибла в каждой капле крови,
Пролитой в стремительной борьбе,
И война встает сегодня вновь
В каждой героической судьбе.

И в луче проектора не в гриме
Душная актерская страда —
Это жизнь проходит перед ними,
Это жизнь уходит навсегда.

Так оставьте с мудростью двуликой
Тень бросать на солнце ясным днем —
Целый век тряслись бы вы заикой,
Лишь на миг поднявшись под огнем.

Так оставьте свой обычай милый —
Пробираться в душу, словно тать,
И живые в памяти могилы
Паутиной мертвой оплетать.

Так оставьте ложью тонкострунной
Осквернять святые имена,
Все равно для юных вечно юны
Выбитые в бронзе времена.

И пока не в атомном тумане —
В ритме сердца кружится Земля,
Будут выходить весною ранней
Ландыши на минные поля.

Сцена из спектакля «Горячий снег».

Фото М. Строкова

НАСЛЕДНИКАМ ПОБЕДЫ

Я не видела войны. Нас уже целое поколение — людей, не знающих, что такое война. Но мы должны понять, как люди сражались, жили, работали тогда, когда, казалось бы, жизнь человеческая существовать не может, когда горели души от страданий и горя, когда дни были черными, солнце — холодным, а снег — горячим.

Вот почему иначе, чем все остальное, читаем мы книги о войне, смотрим фильмы и спектакли.

«Горячий снег» — спектакль, поставленный Б. Голубовским на сцене Театра имени Гоголя по роману Ю. Бондарева. Спектакль этот о человеке на войне.

Мальчики и девочки, повзрослевшие за одно июньское воскресенье, ставшие в тот летний день солдатами, они не умели, не могли еще представить себе, какой тяжкой работой будет для них война. Но человек привыкает ко всему, и война — сначала существующая где-то за гранью сознания — постепенно вошла в их жизнь. Только жизнь эта вроде бы стала немного быстрее — год за два. И быстрее становилось ясно, что́ ты умеешь, на что́ способен.

Авторы спектакля ведут свой рассказ о войне просто и достойно. Ни ужасов, щекочущих нервы зрителя, ни дешевых эффектов. Война осознается, как работа. И у комвзвода Кузнецова (Е. Меньшов), и у командира батареи Дроздовского (А. Иванов), и у командира орудия Уханова (Н. Алексеев), и у санинструктора Зои (Н. Кулинкина) — у каждого из них свое дело, свое представление о войне, свой счет врагу.

И работа их — тяжкая военная работа — показана в спектакле зримо и достоверно. Никаких туманных намеков на то, что герои совершают что-то очень значительное. Просто труд солдата, каждый день встречающегося со смертью и не сознающего героизма своего существования.

Кузнецов, главный герой спектакля, храбр той отчаянной мальчишеской храбростью, когда человеку кажется, что он будет жить вечно, что самое страшное произойдет не с ним, что он защищен от смерти своей молодостью. То ли взрослый с детскими глазами, то ли мальчишка, невесть где научившийся воевать и командующий огневым взводом, он с ребяческим недоумением и ужасом воспринимает гибель дорогого ему человека — Зои и, как взрослый, хладнокровно смотрит смерти в лицо, когда ударная танковая группа Манштейна через огневые точки взвода Кузнецова прорывается к Сталинграду, а потом через них же отступает обратно.

Командир батареи Дроздовский честолюбив и талантлив, но война еще не осознана им до конца, пока это для него какая-то страшная игра, в которой он ставит себе задачу не выиграть, а обыграть других.

Уханов, командир орудия, прекрасно сыгранный Н. Алексеевым, мудр, находчив, не унывает. Пожалуй, он один из троих действительно понял, что есть война и каким должен быть человек, чтобы через смерть и кровь пронести способность сострадать и не ожесточиться.

За каждым из героев стоит его прошлое, и то, что он делает сейчас в этом жутком бою, определяет именно его прошлое — каким он был, каким он пришел к этому самому ответственному моменту его жизни.

А танки идут на них с трех сторон. И не может одна батарея остановить танковую группу. В живых останутся только четверо. К ним на позиции приезжает командующий армией Бессонов (народный артист РСФСР Н. Смысловский).

Видавший виды генерал этот повторяет, награждая героев орденами: «Все, что могу, все, что могу...»

Для тех, кто погиб, оставив нам победу, мы не можем сделать ничего. Но мы должны помнить. Об этом спектакль «Горячий снег».

Л. ЛУКЬЯНОВА

Таять будет небо голубое,
Тучи тлеть у жизни на краю,
Но они поют над полем боя,
Как впервые, боевой трубою
Только тем, кто слышал их в бою.

ТРИ ПИСЬМА ЛЕНИНГРАДСКИМ ВРАЧАМ

1

Алле Федоровне
Неретиной

Дрожит перо, рука устала,
А все над схемами сидишь...
Я говорю: припомни, Алла,
Послушай волковскую тишь.
Здесь каждый прут морозный звонок.
Стук двери — пулею в висок...
Ты слышишь — плачет твой ребенок,
Дрожит, надломлен голосок.
Теряя маму, так он плачет,
Теряя жизнь, ну где же ты!
Ведь впереди одни маячат
Последней пристани кресты.
О, сколько их, поспешных, белых,
И каждый чью-то жизнь рассек,
И на губах заиндевелых
Улыбку гордо смерть несет.
Снега блокады — море муки,
Смерть бродит вольной полосой,
Твои израненные руки
Слабеют под ее косой.
Но сердце бьется, не сдается,
Добьется все-таки оно,
Что из поблекших уст пробьется
Дыханья зыбкое зерно.
Кто здесь о гибели толкует —
Зерно мы к солнцу поднесем,
И сердце слабое ликует:
Спасен ребенок мой, спасен!
Спасен второй, откачан пятый,
Горят блокадные костры,
И сердце сильное солдата
В груди ликует медсестры.

Перед безглазой, ждущей дани,
Встаешь ты песней огневой,
Страданье всех — твое страданье,
И каждый здесь ребенок — твой.
И лазарет ночного бреда
В победный движется рассвет,
И на страну глядит Победа
Глазами всех твоих побед!

2

Кире Феликсовне
Ширяевой

То ли «юнкерс» за черной тучей,
То ль пикирует смерть сама?
Снег сыпучий, мороз трескучий,
Стужей схваченные дома.
Враг раскинулся на полмира
Леденящей своей ордой,
Но идешь ты, девочка Кира,
Всей отвагой юности в бой.
Бьют зенитки свой марш железный,
Окна в желтых крестах дрожат,
Между койками, как над бездной,
Путь твой жизнью и смертью сжат.
Дети-птенчики — взгляд невинный,
Бытия непрочная нить...
Ниагарой валокордина
Бездну черную не залить.
Госпитальной борьбы палаты —
В этом чувства и думы все...
А давно ли сама была ты
Вот такой же — бантик в косе?
Помнишь Сиверской воздух чистый,
Солнцем облитое весло?
Детство в юность нежданно быстро
В год блокадный переросло.
И идешь ты — заря струится
(Так дарил огонь Прометей!),
И ребячьи светлеют лица
От улыбки одной твоей.
И Россия — от края до края —
Зыблет росы, колышет жнивье...
Ее именем благословляю
Руки чуткие, сердце твое!
Да святится родное имя,
Благодарность — не занимать...
Вот такой над детьми своими
Вижу нашу Родину-мать.
Стриж легко свои кольца нижет,
До границ луга зелены...
Пальцы — в йоде, карболке рыжей,
Под глазами круги черны...

3

Глебу Борисовичу
Федосееву

Ты живешь на улице моей,
Ты живешь на ней немного дней,
Улица — молчанье и покой,
Но была она и не такой.
Не уснуть сиренам до утра,
Полосуют высь прожектора,
Вздыблена вселенная вверх дном,
Хладнокровен только метроном.
Он ведет минутам скорби счет,
А осколок каждый дом сечет,
Вышел из ворот — прижмись к стене:
Город твой в блокаде — на войне.
Город твой стоит, неколебим,
А над ним клубится огнь и дым,
Смерч, которым ворог просвистел,
Души, отлетевшие от тел...
Почему об этом говорю?
Я, к тебе идя, иду в зарю,
В пламени победы горизонт,
На твоей земле грохочет фронт.
Как прожектора, зари лучи,
В мирный день спешат на бой врачи,
Как солдат, в огне ты до конца:
Не осколки падают — сердца.
Почему об этом говорю?
Я люблю свободу и зарю.
Девятьсот блокадных было дней —
Срок твоей борьбы еще длинней.
Ты везде, где, словно две волны,
Бьются силы мира и войны,
Ты всегда, где тления угар,
Первый на себя берешь удар.
Зимний мрак сейчас и нем и глух,
Только ты не спишь опять до двух.
Вечный бой! Покоя не дано,
И горит во тьме твое окно...

Ленинград.

ЗАБОТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО САДОВОДСТВА

За последние шесть-семь лет получило значительное развитие коллективное садоводство. В одной только Московской области почти двести тысяч садоводов. Причем каждый из них имеет семью, в среднем пять-шесть человек, а это значит, что в одной только Москве свыше миллиона человек могут проводить лето за городом, отдыхать и трудиться на свежем воздухе, среди лесов, полей, у речек и озер.

Сейчас в садоводческих коллективах идет инвентаризация земельных участков и возведенных на них строений, идет смотр итогов многолетней жизни и деятельности этих коллективов: сумели ли освоить и благоустроить полученный земельный участок? Дело это большое, нелегкое да и затрат требует много.

На свои средства нужно построить дорогу — подъездные пути, электроподстанцию для электрификации поселка, провести воду на участки, обеспечить поселок телефоном, приобрести противопожарное оборудование, построить помещения для сторожей, склады, сарай и многое другое.

Кроме того — и это главное,— нужно освоить выделенный семье участок, малопродуктивную землю сделать плодородной и возвести на ней необходимые строения.

Что разрешается строить на участке? Больше всего острых, сложных вопросов возникает именно из-за этих строений.

Основной закон о коллективном садоводстве — постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, принятое в марте 1966 года,— разрешает садоводам построить на выделенных им земельных участках «САДОВЫЙ ДОМИК ЛЕТНЕГО ТИПА ПОЛЕЗНОЙ ПЛОЩАДЬЮ ОТ 12 ДО 25 кв. м С ТЕРРАСАМИ ДО 10 кв. м». Каких-либо иных указаний нет.

В соответствии с этим постановлением специалисты Госстроя разработали шесть типов садовых домов. Однако они не являются обязательными для садоводов. Специалисты объясняют, что, разрабатывая проекты, они стремились, во-первых, облегчить садоводам строительство, а во-вторых, предупредить появление самодеятельных сооружений, неудобных, некрасивых, а иногда и уродующих местность.

Дома, изготовленные по проектам, поступили в продажу. Многие их приобрели. Однако в поселках вы редко увидите эти дома в том виде, в каком они продаются. Садоводы при установке сами изменяют, переделывают их.

Чем это вызвано? Причин несколько. Прежде всего та, что в проектах специалистов Госстроя крыша почти плоская, с весьма незначительным уклоном. Она непрактична. Под толь или рубероид при такой крыше требуется подвести сплошной настил из полноценных досок, плотно соединяющихся друг с другом. Кроме того, настил этот должен быть покрыт битумом. Такая крыша дорогая и неудобная, на ней задерживается снег, вода, а толь и рубероид изнашиваются быстрее.

Практичнее крыша крутая, высокая — с нее стекает вода, она не требует специального настила, а толь и рубероид служат здесь в 3—5 раз дольше, чем на плоской. При острой крыше имеется чердачное помещение, где можно разместить различные вещи да и оборудовать мезонин — еще одну комнату.

Кухня по проектам должна размещаться в простенках между комнатой и террасой. Причем предусмотрены три размера кухни: 1,65, 2,03 и 2,28 квадратного метра. Но ни один из этих размеров не отвечает требованиям противопожарной безопасности: ведь на даче пользуются газовыми плитками, а их разрешено устанавливать в помещении не менее 3 квадратных метров, расположенном в строго определенном месте.

О хозяйственном блоке в проектах специалистов говорится так: «Дополнением к домику является хозяйственный блок, в котором располагаются уборная, душевая и небольшой сарай». На участке блок этот располагается по-разному, у одних — отдельно от дома, у других — под одной с ним крышей. У многих садоводов кухня объединена с сараем, в котором установлена газовая или дровяная плита. Светлый, с полом и потолком, сарай размером 10—15 квадратных метров служит и кухней и столовой, а осенью, когда семья уезжает в город, в сарае размещается всевозможный инвентарь и оборудование. Большие семьи, живущие на участках летом безвыездно, вместо душа устраивают здесь ванную с газовой или печной колонкой.

Стремясь создать нормальные бытовые условия семье, садоводы нередко вынуждены допускать нарушения установленной нормы площади. Правда, бывают случаи ничем не оправданного, преднамеренного нарушения закона, но это единичные явления, их устранение не составляет труда.

Но в основном, повторяем, нарушения нормы площади, выявленные инвентаризацией, вызваны требованиями жизни, реальными условиями: наличием детей, больных и престарелых, живущих на участке все теплое время года.

Относясь к закону с уважением, сознавая его гуманность, садоводы, допустившие нарушения закона, с тревогой и беспокойством ожидают решения по важному для них делу.

Постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, о котором говорилось выше,— важная веха на пути развития коллективного садоводства. С этого времени в какой-то мере оно приблизилось к садово-дачным кооперативам.

Чем же теперь отличается коллективное садоводство от садово-дачных кооперативов? Размером отводимого земельного участка и строения, которое могут возводить на участке те и другие.

Размер земельного участка у членов садоводческого коллектива — 600 квадратных метров (в Сибири и на Дальнем Востоке — 800 квадратных метров), а у членов кооператива — 800—1 200. Размер строения в садово-дачном кооперативе — до 65 квадратных метров жилой площади, а в садоводческом кооперативе — до 25 квадратных метров полезной площади.

Члены садоводческого коллектива освобождены от уплаты земельной ренты за пользование земельным участком, а члены садово-дачных кооперативов эту ренту выплачивают.

Не пора ли, сохранив прежний размер земельного участка для садоводческого коллектива, во всем остальном уравнять его в правах с садово-дачным кооперативом? Это отвечало бы не только интересам садоводов, но и интересам государства. Члены коллективного садоводства в таком случае имели бы возможность с большими удобствами жить за городом в летнее время, а государство получило бы земельную ренту с весьма значительной площади.

И. БЕРЕЗИН,
председатель правления
садоводческого коллектива
«Советский художник»

И. ПАНОВ,
капитан I ранга

Фото К. КУЛИЧЕНКО.

Зенитные ракеты готовы к пуску.

ОКЕАНСК

27 июля рейды приморских городов расцветятся флагами, в парадный строй встанут атомные ракетоносцы и противолодочные корабли, крейсеры и эсминцы, тральщики и катера. Гулкое эхо матросского «ура» разнесется над волнами, и небо озарит фейерверк.

Советский народ чествует часовых могучей океанской заставы нашего Отечества. Не каждому из этих часовых доведется провести традиционный морской праздник в своей базе, у родных берегов. На далеких меридианах несут боевую вахту советские корабли, и ратный труд их экипажей наполнен доблестью, мужеством, мастерством. Этот труд высоко ценит Родина. И сейчас, в год тридцатилетия нашей Великой Победы, мы видим в списках Героев Советского Союза рядом с прославленными в минувших боях именами Ивана Колышкина, Александра Шабалина, Магомета Гаджиева, Ивана Травкина имена Льва Жильцова, Юрия Сысоева, Анатолия Сорокина, Николая Усенко, ставших кавалерами Золотой Звезды в наши дни. Это они водрузили советский флаг на Северном полюсе, совершили первую в истории групповую подводную кругосветку.

Год от года крепнет военно-морская мощь нашего государства. Волею ленинской партии, самоотверженным трудом советского народа у нас создан флот, способный решать самые сложные задачи в современной войне. Он стал океанским, атомным, ракетоносным. В его составе — подводные и надводные корабли с большой дальностью плавания и неограниченной мореходностью, высокой ударной мощью и боевой устойчивостью, всепогодная морская авиация, вооруженная сверхзвуковыми самолетами различного назначения, береговые ракетно-артиллерийские войска, высокомобильная морская пехота, современные средства управления, связи и тылового обеспечения.

Интересно вспомнить, что подводная лодка «Пантера», потопившая в 1919 году эсминец интервентов «Виктория», прошла в том боевом походе под водой 80 миль, не всплывая на поверхность около 30 часов. Тогда это был выдающийся рекорд. Атомоходы же советского отряда, обошедшего планету под водой, не всплывали на поверхность полтора месяца, и их лаги насчитали около 25 тысяч миль.

Грозное оружие в руках советских моряков. Но прежде всего они сами — пламенные патриоты и убежденные интернационалисты — составляют главную силу и основу мощи нашего флота. Внуки бойцов Октября, сыны героев Великой Отечественной, военморы семидесятых годов прославили свою Родину выдающимися плаваниями, героическими экспедициями. Они помогли ввести в строй бангладешский порт Читтагонг, очистили от мин Суэцкий залив, ликвидировали последствия урагана на острове Маврикий. Недаром жители многих зарубежных портов, куда заходят с визитами доброй воли наши корабли, сердечно и радушно встречают посланцев Страны Советов в матросских форменках. Так было и в нынешнем году, когда советские моряки были гостями Гдыни и Бостона, Сплита и Тулона.

Сегодняшнее поколение советских моряков хорошо помнит и глубоко чтит подвиг своих отцов в годы Великой Отечественной войны, в которой наш Военно-Морской Флот до конца выполнил свой долг перед Родиной. За годы войны 238 кораблей и частей награждены орденами, 78 вошли в ряды советской гвардии. Все наши флоты и большинство флотилий стали краснознаменными.

Подводная лодка «Д-3» («Красногвардеец») — первенец советского кораблестроения — отличилась еще в 1938 году в арктическом плавании к лагерю папанинцев. А когда началась война, моряки «Красногвардейца» в дерзких атаках только за один год потопили 10 фашистских судов и 2 повредили. Ныне гвардейский флаг и славное имя носит современный атомный подводный корабль.

В боевом строю флота немало кораблей, унаследовавших прославленные в боях и походах имена. Эстафета доблести и мастерства — в надежных руках.

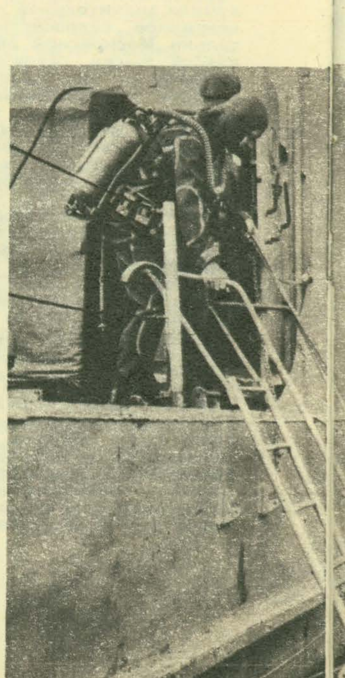
«Для моряков флота, как и для всех воинов наших доблестных Вооруженных Сил,— подчеркнул в письме экипажу отличной атомной подводной лодки Краснознаменного Северного флота Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— характерны высокие морально-боевые качества, коллективизм, дружба и товарищество, беспредельная преданность нашей ленинской партии и советскому народу».

Жизнь военных моряков, наполненная романтикой дальних походов, духом социалистического соревнования, трудной и интересной учебой, посвящена благородному делу защиты Отечества. И в этом они видят и свое призвание и свой долг.

Командир подразделения морской пехоты коммунист подполковник Николай Романов.

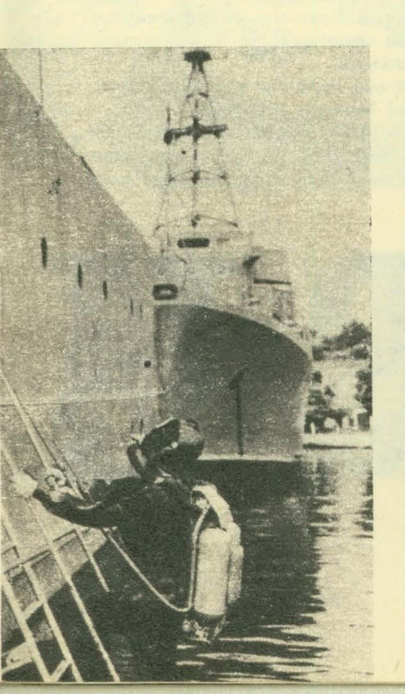
Последние напутствия перед спуском под воду.

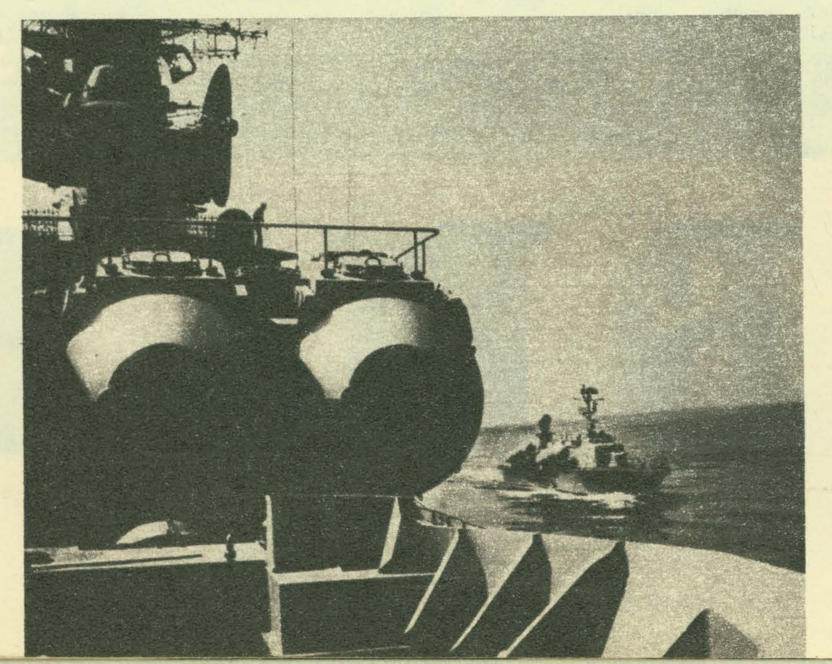

Отличник боевой и политической подготовки, специалист 2-го класса гвардии матрос Борис Иванов.

АЯ ЗАСТАВА

На учениях в море. Ракетный крейсер «Грозный» идет в заданный район.

С моря в «бой».

БРАЧН

Иван **ШАМЯКИН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Был полдень. Нестерпимо палило июньское солнце, достигшее зенита. В тот день из лагеря мы вышли на рассвете, и за все время пути сделать привал дозволено было только один раз, чтоб перекусить, съесть хлеб с зеленым луком, который накануне похода хлопцы принесли из Рудни,— «пропололи» чью-то грядку.

Я могла идти знакомой дорогой, по которой в течение года, с тех пор как меня поставили на связь с Гомелем, ходила много раз, особенно зимой, когда не очень-то свернешь в сторону. Я смело шла через деревни, даже через те, где стояли полицейские гарнизоны. Повсюду у меня появились знакомые, к ним я заходила отдохнуть, попить воды. Иногда мне давали краюху хлеба или холодную картошину, я с благодарностью брала — принимать подаяние во время оккупации было обычным явлением. Женщины иногда всплакивали, глядя на меня: «Дитятко ты мое несчастное. Как же это ты одна ходишь?» Но случалось, что и раньше какое-то особое чутье подсказывало мне: лучше обойти все деревни, лучше ни с кем не встречаться, ни с хорошими людьми, даже с партизанами из других отрядов, ни с плохими — с немцами или полицейскими — вплоть до контрольных постов у входа в город. Там, на постах, все проще, туда ты приходишь с готовой выдумкой и с документами, в подлинности которых сведущие контролеры не усомнятся. А вот какой-нибудь малограмотный деревенский полицейский может усомниться и задержит — просто так, чтоб показать начальству свою бдительность или «продемонстрировать» перед тобой свою власть.

Только вначале, когда задание мне давал еще командир разведки Володя Артюк, он показывал на карте маршрут, по которому я должна пройти. Да еще Федор, командир диверсионного отряда, любил, чтобы все было повоенному, основательно и солидно. Комбриг никогда не говорил о моем маршруте. Иди, как хочешь. Правда, с весны почти вся теперь довольно широкая связь с Гомелем шла через отряд Федора, который базировался невдалеке от самого города. Туда, в отряд, шли мы и теперь. Но еще вчера вечером, получив задание, я захотела провести Машу к Федору так, чтоб нас не увидел ни один человек. Не знаю, почему возникло такое почти нереальное решение.

Мы шли тропками, которые знала я одна, через леса, полем и по лугу. Здесь разве случайно могли пройти люди — по грибы или за ягодами. Чаще вообще и тропки никакой не было, так как все заросло густой травой. Она с утра была росистая и мягкая, а теперь, среди дня,— жесткая и колючая, опутывала ноги и резала их. Конечно же, деревни мы все обошли. Они были только ориентирами, чтоб не зайти далеко в сторону, не петлять. Да еще солнце указывало дорогу. Хотя, пожалуй, и без него в густом тумане я сумела бы пройти тут, излишне не блуждая,— были у меня свои ориентиры и необыкновенное, собачье, как шутил Володя, чутье.

Там, под Гомелем, мы выйдем на посты. В городе на нас будут глядеть десятки и сотни людей... И ничто меня не испугает, не смутит, не выдаст. А тут, в этом глухом углу междуречья, я не хотела... я боялась, чтоб нас кто-то встретил. Чтобы Машу эту встретил. Даже свой партизан. Очень уж она бросается в глаза. Красивая. Со вчерашнего вечера я много раз со злостью думала: какой дурак послал такую разведчицу?

Разговаривать с ней не хотелось, и мы шли молча. Я впереди, она за мной. Три дня мы жили в одной землянке, и тогда, радостно возбужденная, я стрекотала, как сорока, а она молчала, только пела то грустные, то веселые песни. Теперь мое молчание, конечно же, удивляло и смущало ее. Еще в лесу за Рудней она спросила нарочито громко:

— Неужели у вас тут и деревья имеют уши?

Я сразу не поняла, о чем она говорит, оглянулась. Маша попросила искренне и доверчиво:

— Не молчи, пожалуйста, расскажи что-нибудь. Не люблю, когда люди молчат.

Мне сделалось немного жаль ее. Если она впервые тут у нас и впервые идет на задание, то я хорошо представляла, что она чувствует, что происходит у нее на душе. Я шла в который раз, да и задание мое, наверно, проще, и однако, если бы я сказала, что ничего не боялась, не верьте. Неправда это, что некоторые ничего не боялись. К смерти привыкнуть нельзя. Просто опыт и уверенность помогают легче превозмогать страх. Больше думаешь о деле, а не об опасности.

Но жалость моя была короткой, на один миг появилось это чувство. Тут же я так разозлилась, что даже самой после нехорошо стало. Хотела злорадно спросить: «Какая ж ты разведчица, если не можешь молчать?» Но прикусила язык. Вот об этом нельзя говорить даже и в лесу, где деревья тоже могут иметь уши. Да и вообще о профессии и заданиях людей, каких проводила в город, я не имела права говорить, об этом мне сказали не только Артюк, Павел Адамович, комбриг, но и майор, который прилетал с Большой земли и целую неделю учил нас, партизанских разведчиков и связных. Может, ты все знаешь, обо всем тебе рассказали, но делай вид, что ничего не знаешь. Так будет проще в случае чего, а неожиданность нас могла настичь в любом месте и в любой момент.

Луг, что тянется на несколько километров, я намеревалась пройти по заросшей кустами осушительной канаве. Не очень-то спрячешься, если где-нибудь встретятся косцы. Кто на нас тут обратит внимание? Сенокос. Идут бабы ворошить или сгребать сено. Хорошо было бы подобрать где-нибудь грабли, вскинуть на плечо... Но вышли мы из дубняка на луг — и я тут же отступила назад, в лес. На лугу, как на базаре, полно народу. Мужики, бабы, дети. Распряженные телеги. Человек десять шли в нашу сторону с косами на плечах. С кос сбегали солнечные зайчики. Удивило меня такое сборище. Выехали на сенокос, как до войны в колхозе. Почему? Маша тоже удивилась:

— Что это?

Святая наивность. Не видит разве, что?

— Сено косят.

— Как косят сено? — еще более удивилась она.

Кажется, я ничего не ответила, потому что она вдруг сурово осудила всех этих людей:

— Мы воюем, а они... сено косят.

Я разозлилась. Вояка! Сразу видно, горожаночка, белоручка. Наверно, думала, что тут, на захваченной врагом земле, замерла всякая жизнь. Посылают же таких! С подобными взглядами можно «засыпаться» при встрече с первым полицейским.

— Людям надо жить. Кормить детей.

— И немцев?

Хотелось плюнуть ей в глаза: свалилась с неба и обвиняет всех людей вообще. Но не просвещать же мне ее — одумается сама, жизнь научит.

Для себя я объяснила сборище людей на лугу так: луга делят по жеребьевке, потому и привалило все село, стар и мал. Но... была права и она, Маша, если подойти к ее мнению по-другому. Могли косить и для оккупантов. По их приказу. Для поставок армии. В таком случае людей пригнали насильно, и на лугу, безусловно, полно полицейских. А эти собаки не пропустят незнакомого человека. И документы наши не спасут. То, что издалека, из-за Лоева, мы идем не по большаку, а глухими тропками, несомненно, вызовет подозрение у любого фашистского прислужника.

Обходя луг, мы попали в болото. Болото это я знала, ходила по нему прошлым летом во время блокады. Ну и далось же оно нам тогда! Но оно же спасало и от карателей. Тогда мы забирались в самые дебри. А теперь пробирались краем. Лето было сухое, и я удивилась, что даже тут можно залезть в такую трясину. Выходит, болота разные, у них свои законы, не над всеми топями сушь имеет власть, не то, что над речками и реками. Да и рано им пересыхать. Июнь. Это в августе иногда высыхают и болота, горят торфяники. А в первый летний месяц все переплетено травой и цветами.

От самого лагеря я шла босая, хотя в узелке были ботинки,— по городу босой не пойдешь. Ботинки мне выдали, без них не выпустили бы, но я знала, как нелегко добывать партизанам обувь, и жалела ботинки больше, чем собственные ноги. Эта же барыня, так я мысленно называла Машу, не думала о наших трудностях, шла даже утром по росе обутой, щадила свои ноги. Мне все время хотелось сказать, чтоб она разулась. Но подумала, что, может, там, в городе, нужна как раз такая разведчица — с выхоленными руками и ногами,— и смолчала.

В болоте она вынуждена была разуться. Когда мы залезли в торфяную топь, так, что заголились, как говорится, по самый пуп, и я увидела, как запачкала она свои ноги, мне хотелось злорадно засмеяться.

«Знай, как мы живем, как воюем. Это тебе не по тротуарчикам ходить».

Однако было не до смеха. Напарница моя отставала. Ходить по болоту, прыгать с кочки на кочку, как я, она не умела. Кому другому я простила бы это: всему не научишь. А на нее злилась. Тащимся, как на похоронах. Одна я давно была бы в отряде Федора, и даже в Гомель сегодня можно бы дойти. О, без нее я и в отряд не заходила бы, лишь бы только быстрее очутиться в городе!

Подождала Машу и язвительно упрекнула:

— Не тащись, как черепаха. Не бойся запачкать свои толстые ляжки.

— А на кой черт мы лезем в трясину? У нас же есть документы! Можем идти, как люди.

Правда, никто не приказывал мне провести ее именно этим путем, чтоб ни одна душа нас не видела. Да и невозможно это. Но такая моя

АЯ НОЧЬ

придумка, и теперь она как зарок, клятва, отступить от нее я не могла не только из-за упрямства или по прихоти, но и из-за того, что нельзя было нарушить тактический план; раз мы залезли в такую глухомань, то должны скрываться и дальше,— это уже наш закон.

Маша не унималась:

— А еще говорили, что вас поддерживает весь народ...

Снова она задела народ. Но я все еще не могла понять, действительно так думает она о наших людях или просто поддразнивает меня.

Ответила я вполне серьезно:

— Посмотрим, как ты одна будешь воевать, без народа!

Она криво усмехнулась.

— Скажи, пожалуйста, какая ты правильная! Как наш замполит!

Не в пример другим нашим партизанкам, я ругалась редко: стыдилась,— а тут не выдержала — матюкнулась.

— Все вы умные, пока жареный петух не клюнет...

И сама испугалась: ссориться я не имела права. Что сказал бы Павел Адамович, если бы услышал? Хорошо, что Маша не обиделась. Засмеялась. Приблизилась и доброжелательно спросила, оглянувшись на ближние кусты:

— Признайся, Валя: ты хочешь меня испытать? К чему это? Я буду работать в городе, не в болоте. С людьми. А не с лягушками и не с аистами. А с людьми я умею...

Выбравшись наконец из болота на твердую почву, мы снова наскочили на косцов. Но было их только трое: двое мужчин и женщина. От них я не стала прятаться. Как раз попалась дорожка, по которой недавно проехали на телегах, вмяли траву. Я открыто пошла по этой дорожке, удивив Машу. По глазам увидела, что она даже испугалась такой моей решительности. Прошли шагов за сто от косцов. Те остановились, подняв косы, будто для того, чтобы их поточить, и, закрыв от солнца ладонями лица, смотрели на нас. С любопытством смотрели. Я хорошо знала этот особый интерес деревенских жителей к каждому незнакомцу. Война, как ветер листья, посрывала с родных веток тысячи, миллионы людей... Убегали от нашествия, возвращались домой, ходили, чтоб выменять что-нибудь на продукты... Правда, в третье военное лето ходили меньше. Боясь партизан, гитлеровцы ввели строгие законы. Но все равно ходили: голод не тетка. И по-прежнему к каждому чужаку местные люди приглядывались с интересом, а порой с настороженностью, подозрительностью. Чем дальше от больших дорог, тем эта настороженность возрастала. Вот почему мне не хотелось показываться людям до города с этой красавицей — сразу видно, что нездешняя, несмотря на явно деревенскую одежду: старую сатиновую юбку, вылинявшую, в горошек, блузку, платок, повязанный «хаткой».

Маша снова упрекнула наших людей, но не так уж обидно — сказала про косцов-мужчин:

— Молодые. Могли б воевать.

Конечно, могли б. Я не стала ей объяснять, что они тоже, возможно, воюют. Иногда партизаны приходят домой помочь женам накосить сена. Теперь многие наши так делают.

Отступление от своего замысла — обходить всех встречных — не прошло для меня даром. Люди, как дети, даже разведчики, им ни в чем нельзя давать послабления. Полдня эта гонористая красавица безропотно подчинялась мне, я вела ее, она шла за мной. А тут вдруг взбунтовалась.

Растут на наших лугах, на пригорках одинокие дубы, стоят, как сторожевые, не очень высокие, развесистые. Под одним таким дубом лежали валки сена, видимо, его вытащили из лощины для просушки: позавчера шел дождь. Маша упала на сено в тени кроны дуба.

— Не могу больше, давай отдохнем. Все тело болит...

Снова меня охватила злость. Как же вас учили, милая моя? Прошла каких-то двадцать пять верст и уже не можешь. А я по шестьдесят за день проходила — из бригады до города, а потом рано утром, поспав пять-шесть часов, шла назад, поэтому и тело у меня — кости и мышцы, да нервы еще натянуты. А ты свалилась с неба, как мадонна. Уж не думаешь ли, что тебя на руках тут будут носить? Или возить, как принцессу?

Маша подняла длинную крестьянскую юбку, оголила красивые коленки. Ноги ее были порезаны осокой, поцарапаны ветками и жесткой травой, кое-где запеклись капли крови. Она осторожно, наверно, было очень больно, провела по порезам пальцами, белыми, пухлыми, с красивыми ногтями, только маникюра на них не хватало. И тяжело вздохнула. Жалко ей стало ног, будто они самое главное, что понадобится ей в работе разведчицы. Мне, связной, нужны не красивые ноги, а сильные. Я знала, что мои не порезаны, хотя первой шла я, прокладывала по осоке тропку. Мои ноги никогда не были так исцарапаны, кожа на них, как панцирь, не могла ее разрезать какая-то там молодая осока. Тайком и чуть боязливо я посмотрела на свои ноги, сравнила их с ее ногами. И неожиданно обрадовалась: действительно, без единой царапины, загорелые, обмытые росой, отполированные до коричнево-матового блеска, ступня более широкая, пальцы как бы расплющены, со старыми мозолями. Захотелось так же поднять юбку и сравнить наши коленки, но стало стыдно и противно от такого неуместного, прямо-таки неестественного желания. Никогда за два года войны не возникало желание любоваться собой, своим телом, тем более ногами. Даже тогда, когда в жизнь мою вошел он, Степан.

Подумала, что надо быть суровой и твердой, а то так бог знает до чего можно докатиться. И вдруг меня охватил страх. Кого я веду?

Листья дуба слегка шевелились, наверно, не от ветра, а от жары, от перегретого воздуха, поднимавшегося снизу, от земли, от луговых лощин вверх, в голубое небо, где лениво плыли редкие белые облака. Листья не шуршали, как на каждом дереве при ветре, а тоненько и жалостно дрожали. И так же жалобно и грустно в ветвях дуба перекликались две птицы, словно бы искали одна другую и никак не могли найти.

Перестав разглядывать ноги, Маша легла на спину, посмотрела вверх, прислушалась. Спросила:

— Валя, что это за птички?

Маша удивилась, что я не могу ответить, и мне стало стыдно перед ней: жительница деревни и партизанка, больше года в лесу, я должна знать все; мне и казалось, что я знаю все в нашей лесной жизни, а выходит, не сумела назвать даже таких простых пичужек, голоса которых я с малолетства слышала почти ежедневно.

— Они плачут,— сказала Маша.— Ты послушай только. У них горе.— И, помолчав, вздохнула.— Все плачет. Люди. Птицы... Земля...

У меня от этих слов дрогнуло сердце и на мгновение появилось другое чувство к ней: так сказать мог человек, переживший тяжелое горе. Неужели у нее горе? Что-то не похоже по виду ее и по тому, как она вела себя в лагере. Недолго держалось у меня это приязненное чувство. Ничего с нею не случалось! Просто умеет красиво поговорить.

У старого дуба была не очень густая крона — на долгом веку его не раз ломали ветры и молнии. И под дубом возле нас рядом с трепетной тенью сияли, кажется, даже плавили траву и землю солнечные пятна. Маша повернулась и протянула свои оголенные ноги так, чтобы они были под солнцем. Она хотела не только отдохнуть, но и позагорать, подсушить порезы и царапины. И снова в мою грудь холодной волной ударило возмущение против нее. Который раз со вчерашнего вечера. Я боялась его, этого своего возмущения. Никогда у меня не было такого чувства к своим, к товарищам. Я могла на кого-то рассердиться, чаще всего на парней, которые грубо приставали, одному даже заехала по физиономии в прошлом году. Но чтоб вот так... Я же добрая. А тем более должна быть доброй к тем, кого провожала в город или выводила из города и с кем могла в любой момент попасть в лапы врага и погибнуть.

— Пойдем! — строго сказала я Маше.

Она недоуменно посмотрела на меня.

— Самый беспощадный командир дает своим солдатам привал. Силы надо беречь. Ты плохой командир.

Стоило бы сказать, что не лучшее место для отдыха она выбрала,— голое место, до ближайших кустов метров триста. Но почему-то не сказала. Подчинилась ее воле. И это еще больше обострило мои мысли. Что же это такое со мной творится? В город я веду ее, и она должна подчиняться мне... Не таких людей водила. Представителя Центрального партизанского штаба... Комиссара бригады. И они доверялись мне — опыту моему, умению, чутью, а оно действительно было у меня, как у хорошего гончака,— опасность чуяла за версту. А сегодня я какая-то... не похожая на себя. Не о том думаю, о чем надо думать в дороге, подчиняюсь ей, этой красотке, которая еще в лагере вела себя не по-разведчески. Да и тут тоже. Нет, хватит. Надо подниматься! Надо идти! Так как, чувствую, наберусь с ней беды на постах перед городом, которые не обойдешь. Уж очень бросается она в глаза, эта Маша. Особенно мужчинам.

Я намеревалась решительно скомандовать подъем, но когда взглянула, то с удивлением увидела, что Маша сладко и беззаботно спит. Как ребенок. Выходит, ничто ее не беспокоит, ничто не волнует, не страшит. Или она не понимает, куда и на что идет, или... Сделалось страшно. Одинаково страшно и оттого, что она не понимает опасности и потому может провалиться на первом же посту, и от мысли, что она не та, за кого выдает себя... Поняла нелепость этого подозрения: она же прилетела с Большой земли, может, из самой Москвы и не одна, была шифровка командованию бригады. Чтобы избавиться от этой дурной мысли, залюбовалась ее лицом; во сне оно было еще красивее, белое-белое, в короне золотистых, чуть кудрявых волос, с черными, будто подкрашенными бровями, хмуро сошедшимися над переносицей, а губы — припухлые, как у ребенка, немного будто обиженно надутые и сочные, как малина, нисколько не запекшиеся от жары, как у меня. С каким-то страхом и ревностью я подумала, что такие губы хочется поцеловать, что для мужчин... для парней это наипервейшее искушение.

Маша дрыгнула ногой и передернулась от боли. Мухи сели на порезы. Сначала инстинктивно я согнала мух и слепней. Но взглянув на ее колени, на белые ноги выше колен, я почувствовала, что ненавижу их. Впервые я вела человека, которого ненавидела. Пусть по-иному, чем врагов, но все же чувство это иначе никак нельзя было назвать.

...Они прилетели четыре дня назад. Что ночью будет самолет, об этом мы знали еще днем, так как нас, штабников (я считалась во взводе разведки, но, когда не ходила на задание, то помогала либо на кухне, либо в госпитале), послали на Ржавое болото, чтобы подготовить хворосту для костров. Летнего аэродрома у нас не было, летний аэродром был далеко на Полесье, где-то возле Доманович. Оттуда иногда связные приводили гостей. Но чаще всего гости спускались к нам с неба. Появление их было праздником в нашей нелегкой, порой однообразной жизни, так как и война в конце концов становится занятием скучным, однообразным.

Ветки мы готовили с радостью, весело. Ржавое болото было почти сухое, заросшее березняком, тем, болотным, что не вырастает большим, и таким же сосняком; но там, где оставалась вода, она действительно была ржавой, грязно-красной, как бы смешанной с кровью. Хлопцы доказывали: вода, мол, потому такая, что под болотом залежи железной руды. Иногда яро спорили на этот счет. Но потом в отряд пришел учитель истории Дедков и объяснил, что на болоте действительно может быть руда, но не натуральная — привозная, остатки руды. Привозили ее по Днепру запорожские казаки в дебри белорусских лесов, выжигали древесный уголь и плавили металл. Не зря в междуречье несколько деревень имеют название Рудня. С его объяснением согласились; на болоте возвышалось несколько островов-курганов, заросших ольшаником, и острова эти не песчаные, а из обжига — шлака. Наверно, от обжига и остатков руды за три сотни лет поржавела вода. Легенда, что тут ковали свое оружие вольные казаки, понравилась, мы чувствовали себя наследниками тех далеких, мужественных, смелых людей, которые больше жизни любили свободу.

Вечером я сама попросила Володю Артюка взять меня на болото, чтобы встретить гостей с Большой земли.

Ф. Богородский.
ОНИ ШТУРМОВАЛИ
ЗИМНИЙ. 1957.

Львовская Государственная
картинная галерея.

Ф. Богородский. БЕСПРИЗОРНЫЕ.

Государственная Третьяковская галерея.

В полночь зажгли костры; расположены они были так, чтоб выдержать условный сигнал, ибо год назад, в сорок втором, когда партизаны не имели еще опыта и надежной радиосвязи, были случаи, когда немцы и полицейские, обнаружив партизанские костры, раскладывали свои неподалеку и вводили летчиков в заблуждение. В нашей зоне так попала к врагу диверсионная группа; парни вели тяжелый, неравный бой, и из семерых только двое вырвались из фашистской ловушки.

Ночь была по-летнему теплая, звездная. Фантастично, как в глубокой древности на боевом стане, горели костры, не очень яркие, дым не поднимался вверх, а стлался по болоту, тянулся длинными космами. Возле костров остались надежные люди, по одному у каждого, чтобы подкидывать ветки, сначала сыроватые — поддерживать огонь, а потом, когда послышится шум моторов,— сухие, и они вспыхнут, как порох. Остальные лежали на краю болота, в березняке, готовые к любым неожиданностям. Даже меня Артюк вооружил немецким автоматом. Не было спасения от комаров и мошкары, заедали прямо, лезли в рот, в нос. Та весна и начало лета были очень комариные, в лагере мы страдали от такой напасти.

Но я, кажется, даже мошкару не замечала. Я ждала самолет с нетерпеливым волнением, будто на нем мог прилететь самый родной мне человек. Рядом со мной лежал Володя Артюк, беспрерывно курил вонючий табак, чтоб спастись от комаров, пускал дым на меня, отчего я кашляла. Володя был большой бабник, ни одну девушку не пропускал, чтоб не зацепить, не потискать. Но за мной никогда не ухаживал, меня это раньше даже смущало: неужели я хуже всех? А тут Володя почему-то протянул руку, нашел мою, сжал ее и удивленно спросил:

— Чего дрожишь? Холодно? Я дам тебе свой френч.

Френч на нем был особенный, такие носили офицеры царской армии, но нас удивляло, что френч совсем новенький; в отряде ломали головы: где Володя мог раздобыть эту одежду? Немецкий мундир, даже генеральский, никого не удивил бы, но такой... Кто-то припомнил, что в Речице живет вдова царского полковника. Парни хохотали: «Володя, не к полковничихе ли ты клинья подбил?» Артюк таинственно усмехался.

Самолет прилетел точно, где-то около часа ночи, как и ожидали его, подсчитав, сколько времени займет полет от линии фронта, которую надо перелететь, когда стемнеет.

Я ничего еще не услышала, а Володя уже вскочил на ноги. Дал команду партизану у ближнего костра, и через минуту огонь шуганул в небо, рассыпая веселые искры. Над другим костром, дальше от нас, пламя росло не вверх, а в стороны, и искры почему-то разлетались вбок и не так стремительно и по цвету были другими, какими-то синими — наверно, из-за дыма, стлавшегося над болотом. Но не было времени любоваться кострами. Самолет гудел уже над нами. Коротко моргнул зеленым глазом, что означало: «Ваши сигналы принял. Парашютистов сбросил».

Мы побежали по болоту к тому месту, где, по нашим расчетам, должны приземлиться гости.

Я увидела его, парашют, в небе: на миг он закрыл Венеру, сиявшую над черной стеной леса. Может, потому я выбежала точно и чуть не столкнулась с человеком, который скручивал свой парашют. У меня под ногами зачавкала трясина.

Парашютист упал в траву, и я услышала испуганный, хриплый женский голос:

— Стой! Стреляю!

Я засмеялась от радости, что я встретила первая, что посланец девушка, и в полный голос выкрикнула пароль:

— Суздаль.

Она ответила не сразу:

— Ашхабад.

Но я и не ждала ответа. Она не успела подняться, а я уже была возле нее. Мы обнялись, как сестры. Я целовала ее, как влюбленная,— в губы, в глаза, в лоб, горячо вдыхая совсем не наши лесные, партизанские запахи. От нее пахло по-мирному, по-женски — хорошим мылом, какой-то другой парфюмерией, новыми ремнями, свежей одеждой, из которой не выветрился еще своеобразный складской дух, и еще чем-то, что осталось в моей памяти с довоенного времени.

— Мое имя Маша,— первой представилась она, высвободившись из моих объятий и пряча в глубокий карман комбинезона пистолет.

— А я — Валя.

И мы по-девичьи радостно засмеялись, удивив Володю Артюка, который подбежал к нам. Он оглядел во мраке ночи гостью и, пожимая ей руку, весело свистнул:

— Вон каких ангелов нам бог посылает!

Их прилетело трое: две девушки и парень. Другая девушка, Нюра, в отличие от Маши была маленькая, худенькая, незаметная, такая же, как я. Спустилась она с рацией. Парня я, пожалуй, не видела, так как он не подошел к костру и из лагеря исчез в ту же ночь, очевидно, на рассвете, когда мы еще спали. Никому даже имени своего не оставил. Клавдия, кухарка, которая знала все на свете и вообще баба с длинным языком, за что ей не раз доставалось от командира, по «большому секрету» сказала мне, что радиста разведчики переправили в Чернигов.

Машу я увела в свою землянку, так как в шалашах было полно комаров, а она боялась их, отмахивалась руками. Меня смешила ее непрактичность; приятно было опекать ее, как маленькую.

Совсем другой была Нюра — молчаливая, ловкая, умелая, сразу видно, что не впервые у нее такая «командировка» — к партизанам.

Нюра ночевала в штабной землянке. Клавдия говорила, что на рассвете она выходила на связь — проверяла рацию.

Посланцев с важным заданием, особенно разведчиков для города, держали в отряде так, чтоб как можно меньше людей с ними соприкасалось: военное время, не забывали, что и к партизанам может пробраться шпион. Так скрывали Нюру, хоть была она у нас одни сутки и исчезла, как и радист, ночью. А Маша осталась. Днем ходила по лагерю и с детским любопытством разглядывала все и всех: землянки, шалаши, мастерскую, мины, кухню, госпиталь, партизан; женщин рассматривала более пристально, чем парней. Но все равно парни ходили за ней следом. Красивая. Необыкновенная. Гладкая, белая. В новеньком комбинезоне. Не то, что мы, прокуренные, просмоленные, обтрепанные, с потрескавшимися руками и ногами, облупленными носами и худющие — одни мослы торчали.

Кто-кто, а я, разведчица и связная, знала нерушимый закон: у тех, кто прилетел с Большой земли, не спрашивать: кто он, откуда и чем будет заниматься тут, у нас, в лесу. Кому можно, тот скажет сам. Когда прилетел представитель от ЦК комсомола, то сразу собрал молодежь и сказал, откуда он и с какой целью сиганул к нам с неба.

С Машей я спала на одних нарах. С нетерпением, которое было, наверно, у каждого партизана, расспрашивала, как там, за линией фронта. Она рассказывала, но больше не о радостях, а о трудностях. В метро потеряла сознание женщина, голодная.

— Ты из Москвы?— не выдержала я.

Маша как бы смутилась на миг и ответила неопределенно:

— Я была в Москве.

В первое же утро, когда мы завтракали и Маша, покопавшись в карманах, достала авторучку, пришла к заключению, что она журналистка, и еще больше восхитилась ею. Такая красивая, молодая и не побоялась прилететь. Наверное, из «Комсомольской правды».

Но когда Маша не захотела сказать, откуда она, убеждение мое пошатнулось, однако загадочность ее миссии еще больше притягивала меня к ней. Только я стала более сдержанной и настороженной, про свою главную работу — про связь с Гомельским подпольем, с военными разведчиками — тоже слова не сказала. Что делаю тут? Да так, иду туда, куда пошлют, делаю то, что прикажут, а больше при кухне да госпитале отираюсь.

Вечером Маша удивила не одну меня. У доктора нашего Ханона Шульмана была гитара, правда, играл он редко, может, потому, что не очень умел, а может, и потому, что в отряде был баянист Костя Репейник, большой мастер, баян в его руках пел, как целый ансамбль, на все лады, казалось, захоти Костя — и баян заговорит человеческим голосом.

Увидела Маша гитару, и глаза у нее загорелись. Попросила разрешить ей поиграть. А кто мог такой девушке отказать, да еще гостье?

Было предвечерье, когда в лагере пусто и тихо: кто еще не вернулся с дневного похода, кто отдыхал или готовил оружие перед ночным заданием. Только возле кухни сновали люди — готовили ужин. Там, в лесной нашей столовке, Маша и примостилась. И я рядом перебирала щавель. Я в тот день не отставала от нее, как верный ординарец от генерала.

Тишина. Только птицы заливаются. Комары гудят. Сквозь кроны деревьев пробиваются солнечные лучи. Стволы сосен сияют золотом.

И вдруг звон гитары и глухой, но красивый, какой-то теплый, задушевный голос запел русскую песню, старую, никто из нас ее не знал. Мне запомнились слова:

Не скликай уныло, птичка, бедных пташек,
Не скликай ты родных деток понапрасну,—
Злой стрелок убил малюток для забавы,
И гнездо твое развеяно под дубом.

Жалостливая песня. За сердце хватала. Естественно, что Машу сразу же окружили слушатели. Первые — Клавдия со своими девчатами, они даже кухню оставили. Потом раненые из госпитальной землянки повылезали. Начальник штаба Москаленко пришел. Оружейники из мастерской... Как-то незаметно чуть ли не весь отряд собрался. Откуда только взялись! Если порой надо было кого найти — мне это часто поручали, когда я оставалась при штабе,— так обежишь чуть ли не всю пущу, пока найдешь кого надо. А тут песня всех собрала. Песня или певица? Стояли перед ней, как завороженные, ни одной шутки, ни одного слова, хотя обычно парни точили языки по любому поводу. Только в строю замолкали, да если хоронили кого. Одни бабы всхлипывали, у которых мужья погибли или были на фронте. Помню, она и такое пела:

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые...

Тогда мне казалось, что я в конце концов открыла тайну, кто же она такая, эта Маша. Артистка. От этого стало как-то по-новому, как, может, никогда прежде, хорошо, радостно на душе. Если к нам сюда, в лес, начали присылать вот таких артисток, то, наверное, хорошо идут дела на фронтах и вообще на Большой земле. Раньше было не до артистов и нашим там и нам тут. Что бы мы сказали, если бы прошлым летом, в блокаду, вместо группы автоматчиков нам сбросили артистов? А теперь радостно. Но вместе с тем мысль, что я сплю на одних нарах с известной артисткой, может, даже заслуженной, как-то отдалила меня от нее; становилось неловко перед ней за свое панибратство, за то, что говорила ей — наивная девичья болтовня, и за свое невежество: ни одной песни из тех, которые пела Маша, я не только не знала, но и не слышала. А что я знала, закончив семилетку и проучившись всего один год в техникуме? Партизанская жизнь, дороги да стежки до Гомеля, ухищрения, как обмануть немцев и полицаев,— вот что я хорошо усвоила за два года войны. И еще стрелять научилась. И ненавидеть. Убить могла фашиста и предателя и не мучилась бы, что убила человека, так как фашист не человек, а предатель — еще хуже.

Маша до позднего вечера пела. И до позднего вечера ее слушали. У поваров даже каша пригорела.

Потом в прохладной землянке, где в летнее время пахло погребом, я спросила у нее както по-глупому, неумно:

— Как... ваша фамилия? — Очень уж неуместно получилось, что я вдруг без всякой причины перешла на «вы». Естественно, что она удивилась:

— Ваша? Петрова. А зачем тебе?

Действительно: зачем? Глупая я, а еще опытная разведчица. Разве сразу не могла понять, что все у нее придуманное — имя, фамилия и все другое, даже песни эти, специально видно, в разведшколе выучила. Но почему тогда так долго ее держат у нас? И куда могут послать такую?

Продолжение следует.

Авторизованный перевод с белорусского М. ГОРБАЧЕВА.

Среди передовых металлургических предприятий страны — прославленная Магнитка.
На снимке: идет выплавка стали.
Фото А. Гостева.

РИТМ

Народное хозяйство страны в ударном ритме социалистического соревнования вышло на финишную прямую. В первом полугодии были выполнены и перевыполнены основные плановые задания. Это главный результат действенной борьбы трудящихся города и села за выполнение решений XXIV съезда Коммунистической партии. Темп роста промышленного производства по сравнению с тем же периодом прошлого года составил 7,7 процента — на один процент больше запланированного. Сверх плана реализовано продукции более чем на 4 миллиарда рублей. Возросла и производительность труда — на 5,9 процента. Четыре пятых — практически почти весь прирост объема производства получен за счет повышения производительности труда. Важно и то, что прибыль возросла на 12 процентов по сравнению с первым полугодием минувшего года.

Радует сообщение, что освоен и начат выпуск еще около полутора тысяч новых изделий, совершенствуются технико-экономические показатели, что уже 25,7 тысячи изделий присвоен государственный Знак качества.

Грандиозны масштабы капитального строительства. Введены в строй основные фонды стоимостью 22 миллиарда рублей — это на 7 процентов больше, чем за первое полугодие 1974 года. Вступили в строй первый агрегат Токтогульской ГЭС, четвертая домна Карагандинского металлургического комбината, железная дорога Бам — Тында, элеваторы емкостью свыше миллиона тонн зерна.

Селянам рано подводить итоги. Но ЦСУ СССР сообщило, что дела и в поле и на фермах идут неплохо. Посевные площади под урожай 1975 года составили в стране более 217 миллионов гектаров. Увеличилось поголовье на фермах колхозов и совхозов, возросла закупка продуктов животноводства.

Рост эффективности общественного труда, ускорение научно-технического прогресса обеспечивают значительный подъем благосостояния народа. Итоги первого полугодия плодотворны, созданы предпосылки для того, чтобы в оставшемся полугодии девятой пятилетки наша страна добилась новых успехов.

Вардван
ВАРЖАПЕТЯН

ТРИ ИЗМЕР

ДРУЖБА И

Московский кинофорум проходил в год 30-летия Победы над фашизмом в столице государства, вынесшего на своих плечах всю тяжесть войны. Поэтому советскому кинозрителю особенно дороги произведения, проникнутые активным, жизнеутверждающим гуманизмом, посвященные борьбе антифашистских сил.

Для югославского режиссера Жики Митровича тема войны важнейшая. С большой художественной силой он воплотил ее в прошлых работах — «Сутеска» и «Битва на Неретве», а теперь нашел новую форму рассказа о событиях тех лет в картине «Ужицкая республика».

Судьбе народа, его испытаниям, ратному подвигу солдат были посвящены произведения кинематографистов Монголии, ГДР, Сирии, Египта, ДРВ... Кинолетопись фестиваля возвращает нас не только к событиям прошедшим, она приковывает наше внимание к острейшим социальным проблемам, к самым «горячим» точкам классовых боев. Перуанский крестьянин рисует на стене серп и молот, рабочий-бенгалец читает Ленина — эти символические кадры из художественных фильмов говорят о решимости кинематографистов развивающихся стран глубоко исследовать социальные проблемы современности.

Мастера кино, встретившись в Москве, отстаивали гуманистическую направленность искусства не только своими произведениями, но четко определили свою позицию в спорах, выступлениях, встречах... По установившейся традиции одним из главных событий фестиваля стала дискуссия «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!».

Актуальность вопросов, которые были в центре внимания участников дискуссии, красноречиво подтвердил и смотр документальных фильмов, которые уже по самой своей природе являются произведениями, активно воздействующими на умы, открыто выражающими партийную, классовую позицию художника. В. И. Ленин счи-

Он был радушным и сердечным, этот форум дружбы, оставивший свой след в сердцах участников не только потому, что шли фильмы, кипели споры на пресс-конференциях и дискуссиях.

Облик кинофестиваля складывался еще из широких и гостеприимных ежедневных встреч гостей Москвы с нашей столицей, с ее достопримечательностями, с ее людьми... Каждое утро от гостиницы «Россия» отъезжала по самым разным адресам вереница автобусов: Третьяковская галерея, «Мосфильм», ВДНХ, Музей Вооруженных Сил СССР, завод «Красный пролетарий», фабрика имени Тельмана...

Многие кинематографисты, в том числе представители Франции, Голландии, Таиланда, пожелали, например, увидеть, как живет и трудится советская деревня. И вот гостей встречают хлебом-солью в колхозе «Ленинский луч», Красногорского района, Московской области. Они были поражены увиденным: в хозяйстве 65 тракторов и 100 машин; за год здесь производится 6 тысяч тонн молока, 6 тысяч тонн овощей, 600 тонн мяса; доход колхоза за прошлый год составил 2 миллиона рублей.

Сувани Сухонтиенг, сценаристка из Таиланда, сказала с восхищением:

— Во многих странах — в том числе и у меня на родине — показалось бы невероятным, что такое возможно в крестьянских домах: газ, водопровод, красивая мебель, холодильники, телевизоры... Но собственным глазам приходится

тал документальное кино искусством образной партийной публицистики.

Одной из главных тем не только мастеров социалистических стран, но и прогрессивных документалистов Запада стал показ борьбы рабочего класса, людей труда: «1 000 дней борьбы» (Япония), «Забастовка — не воскресная школа» (Швейцария), «Борьба с пустыней» (Сомали), «Шахтерский фильм» (Великобритания), «Рыбаки» (Тунис), «Строители» (Болгария), «Интернациональный долг» (СССР),— сами названия этих фильмов говорят за себя и не нуждаются в пояснении.

Особое место в нынешнем смотре заняли произведения о Чили. Верой в победу патриотических сил чилийского народа пронизана вся фестивальная программа до-

Каждая четвертая картина, снятая в СССР, адресована юным зрителям. В Советском Союзе создана единственная в мире киностудия детских и юношеских фильмов.

На V Международном фестивале фильмов для детей, проходившем в рамках IX Московского кинофестиваля, наша страна представлена была научно-фантастической дилогией «Москва—Кассиопея» и «Отроки во Вселенной». А открывала конкурсную программу югославская лента «Дружба», всем своим содержанием олицетворявшая девиз Московского фестиваля. Удивительно ярким, чудесным, интересным оказался экран детского фильма.

Произведения, которые были показаны в фестивальные дни на трех конкурсных экранах — худо-

Патрисия Эспиндола — актриса из Мексики.

ЕНИЯ КИНОИСКУССТВА

кументальных картин, показывающая широкую, поистине всемирную панораму солидарности миролюбивых сил. Гневным документом, разоблачающим преступления хунты, стала «Чилийская хроника» Э. Лабарки, известного в нашей стране книгой «Чили, раскаленное докрасна». Потрясают последние кадры фильма, снятые безвестным оператором, убитым в момент съемки.

Репортаж мексиканского режиссера К. Техеды «Сила против разума» обличает фашистов, громящих дом Пабло Неруды и захваченных кинокамерой на месте преступления. Трагической судьбе певца Виктора Хары посвящен фильм С. Формана «Компаньеро».

«Чили не сдается, черт возьми!» — эту надпись на стене дома колумбийские публицисты вынесли в заглавие своей картины.

жественном, короткометражном, детском,— ставили перед зрителями огромный круг вопросов. Но, как бы он ни был велик, в центре его всегда оставался человек, личность; чем искреннее, талантливее она понята и воссоздана средствами кино, тем сильнее социальная значимость фильма, сила его нравственного, художественного воздействия на сердца и умы тысяч людей.

Конечно, у каждого народа свои заботы, свои трудности. И у каждого художника они свои. Но есть цели, одинаково понятные всем, одинаково важные для всех людей земли.

Взаимоотношения человека с человеком, с обществом, с природой — таковы три измерения киноискусства, которое мы увидели на фестивальных экранах Москвы.

Исполнитель роли Дерсу Узала Максим Мунзук.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Звезда иракского кино Фахрия Керим.

верить! И радоваться увиденному!..

Гости фестиваля любовались Подмосковьем и с палубы красавца теплохода «Серго Орджоникидзе». Мимо них медленно проплывали чарующие пейзажи — огаревские, герценовские, щепкинские места,— и возгласы восторга звучали, не умолкая...

— Всякий раз вот так удивляются и радуются иноземные люди красоте нашей Родины,— заметил капитан Михаил Алексеевич Бриллиантов. Уже в пятый раз он вел теплоход в фестивальное плавание, и теперь у него снова появились друзья, с которыми он хотел бы встретиться во время будущего, X Московского кинофорума. Это Фахрия Керим, актриса из Ирака, Патрисия Эспиндола из Мексики, тувинский актер Максим Мунзук. Да разве всех назовешь!

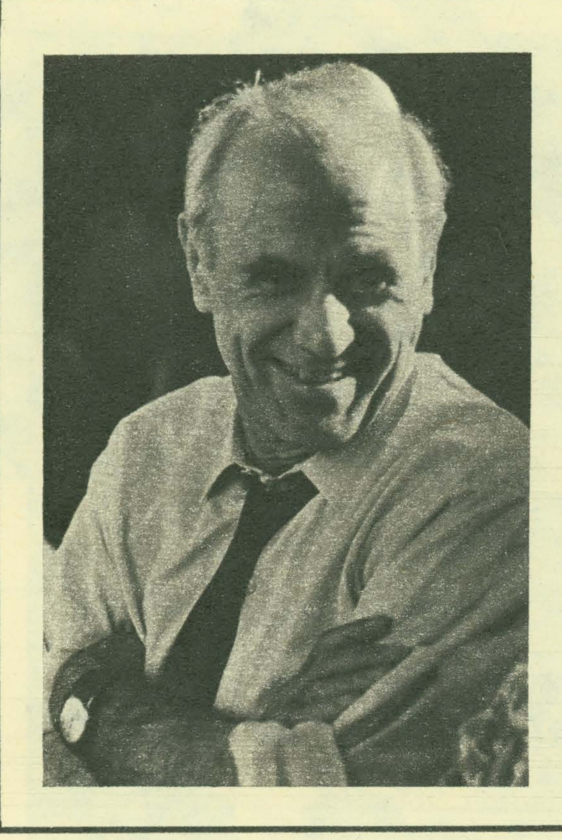
Гости Михаила Алексеевича радовались от всей души, — всем на теплоходе было весело и хорошо. Достаточно взглянуть на известного советского режиссера Г. Рошаля, поднимающего тост за дружбу, или на румынского режиссера Иона Настасе, исполняющего соло на барабане... А не менее известный польский режиссер Ежи Кавалерович единодушно был признан лучшим танцором: ему вручили приз.

Весь день на теплоходе звучали музыка, песни, шутки, смех, а слова благодарности за хлеб-соль фестиваля были произнесены на десятках языков.

Н. ЗЫБИНА.

Фото В. Варжапетяна

БОРИС БАБОЧКИН

Всякий раз, когда из жизни уходит человек, который особенно дорог, испытываешь не только боль, скорбь, но яростный протест против неизбежности, невосполнимости утраты.

Сердце Бориса Андреевича Бабочкина остановилось, когда ему хотелось сказать нам еще так много и так много сделать.

Родина высоко отметила труд артиста, беззаветное служение народу. Его Чапаев стал символом революционной эпохи, выдающимся достижением советского искусства. А он спешил работать, а значит, и жить, ибо единственной формой собственного бытия Бабочкин считал творчество — актерское, режиссерское, педагогическое. В каждом из них он был выдающимся, замечательно талантливым мастером.

Жизнь кончена. Но дело, которому всю жизнь так преданно и прекрасно служил Борис Андреевич Бабочкин,— искусство, а над ним не властна ни смерть, ни время...

26 ИЮЛЯ — НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ НА КУБЕ

КУБИНСКАЯ НОВЬ

Олег **СОКОЛОВ**

На Кубе праздник. Страна отмечает День национального восстания. Героический штурм казармы Монкада 26 июля 1953 года стал прологом величайшей в истории Латинской Америки революции.

Создание первого социалистического государства в западном полушарии круто изменило общественно-политическое развитие в этом районе мира. Латиноамериканские народы осознали необходимость глубоких перемен и поверили в возможность их осуществления. Стало ясно, что социальная революция — в повестке дня и что она может и должна быть совершена нынешним поколением революционеров. Кубинская революция стала проявлением нового соотношения сил на мировой арене, способствовала еще большему его изменению в пользу социализма.

Опираясь на братскую поддержку Советского Союза и других социалистических стран, используя их богатый опыт применительно к местным условиям, кубинский народ под руководством Коммунистической партии во главе с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, премьер-министром Революционного правительства Фиделем Кастро успешно строит социализм. Куба мужественно преодолевает препятствия, воздвигаемые империалистическими силами.

Нынешнюю годовщину штурма Монкады республика отмечает в особой обстановке. Вся страна готовится к I съезду Коммунистической партии, намеченному на декабрь. Съезд проанализирует деятельность партии и народа за годы борьбы в защиту революции и закладки фундамента для социалистического строительства. Он выработает платформу дальнейшей деятельности в области внешней и внутренней политики, утвердит Устав партии и рассмотрит проект социалистической Конституции. Съезд определит новую систему руководства экономикой, наметит линию действий для органов народной власти, примет директивы политического, экономического и социального развития на ближайшие годы, изберет Центральный Комитет.

Миллионы кубинцев обсуждают сейчас проект новой Конституции. В нем юридически закрепляется победа социалистических отношений в городе и деревне, подчеркивается, что власть в стране принадлежит трудовому народу, а высшей руководящей силой общества и государства является Коммунистическая партия. Проект Конституции гарантирует гражданам широкие и равные демократические и социальные права, которых не имеют трудящиеся ни в одном капиталистическом государстве. Республика Куба, подчеркивается в проекте,— составная часть мирового социалистического содружества, и в этом одно из основных условий ее независимости и развития.

Республика вела борьбу за социализм в крайне тяжелых условиях. Много лет она противостояла сильнейшей империалистической державе, пытавшейся задушить кубинскую революцию. В этих условиях практически все силы были направлены на то, чтобы выстоять в жестокой борьбе. Поэтому стране, как говорил по этому поводу член Политбюро ЦК Компартии Кубы, первый заместитель премьер-министра Рауль Кастро, был нужен «гибкий, оперативный государственный аппарат, который, осуществляя диктатуру трудящегося народа, объединял бы в себе сразу законодательные, исполнительные и административные функции для быстрого, беспромедлительного принятия решений».

Теперь созрели условия для оформления государственного устройства социалистической Кубы, включая выборные органы народной власти.

Летом прошлого года в одной из провинций страны, Матансас, были проведены в порядке опыта выборы первых в стране органов народной власти — ассамблей и их исполнительных комитетов. Выборы показали высокую политическую сознательность народных масс. Больше половины избранных депутатов — коммунисты и комсомольцы. На основе этого опыта разрабатывается избирательная система и будут проведены выборы на территории всей страны.

Кубинский народ самоотверженно строит материально-техническую базу социализма. Совершенствование методов хозяйственного руководства и планирования, меры по увеличению эффективности общественного производства на основе всемерного повышения производительности труда приносят плодотворные результаты.

Совокупный общественный продукт за последние четыре года вырос на 44 процента. Значительно окрепли торгово-экономические позиции страны. Объем внешнеторгового оборота за последнее пятилетие вырос в два раза, составив в 1974 году 4,6 миллиарда песо.

Стена блокады, которую тщетно пытались воздвигнуть вокруг Кубы империалистические силы, окончательно рушится. Ныне с первым социалистическим государством Америки поддерживают дипломатические отношения 92 страны.

«По площади и численности населения Куба не относится к числу больших стран,— говорил Л. И. Брежнев на митинге в Гаване 29 января 1974 года.— Однако в современной международной жизни она занимает большое, я бы даже сказал, выдающееся место. Кубу хорошо знают во всем мире. Ее горячо любят друзья, ненавидят враги, на ее развитие с чувством симпатии и солидарности смотрят миллионы и миллионы людей».

Среди самых верных друзей революционной Кубы — Страна Советов.

Советско-кубинская дружба является поистине всенародным делом в наших странах. Это с особой силой проявилось в дни визита на Кубу Л. И. Брежнева в январе — феврале прошлого года. После визита прошло уже полтора года. И сейчас хорошо видно, какой мощный импульс он дал дальнейшему развитию советско-кубинского сотрудничества.

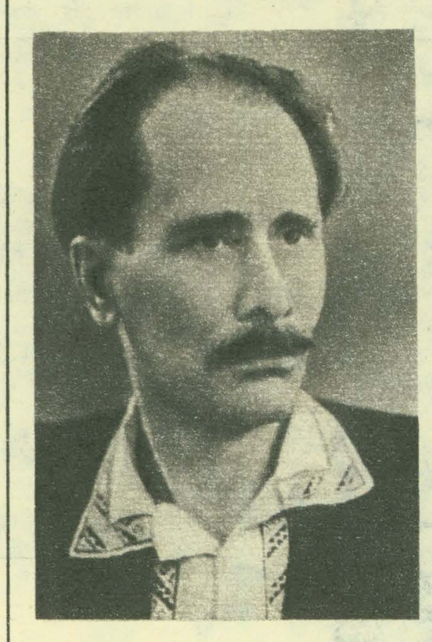
Еще более тесными стали отношения между нашими партиями и государствами. Куба и СССР выступают с единых позиций по всем основным вопросам современности. Их торгово-экономическое сотрудничество поднимается на новую ступень, для которой характерен комплексный и планомерный подход, позволяющий оптимально использовать экономические ресурсы к взаимной выгоде обеих стран.

Быстрыми темпами растет советско-кубинская торговля. За последние 14 лет ее объем увеличился в 10 раз, составив в 1974 году 1,6 миллиарда рублей. В текущем году эта цифра должна возрасти. Советские машины и оборудование, топливо, сырье и материалы помогают Кубе в развитии и модернизации важнейших отраслей народного хозяйства, а потребительские и продовольственные товары — в снабжении населения. В свою очередь, Куба в растущих количествах поставляет нам товары своего традиционного экспорта. Среди них наибольшее значение имеют сахар-сырец и никелевый концентрат. Поставки сахара-сырца с 1960 года по настоящее время составили почти 32 миллиона тонн.

Важную роль в борьбе за создание материально-технической базы социализма на Кубе имеет экономическое и научно-техническое сотрудничество с СССР. Наша страна оказывала содействие Кубе в строительстве и реконструкции 244 промышленных предприятий и других объектов, из которых 105 уже введены в эксплуатацию.

В одном из недавних интервью советским журналистам Фидель Кастро говорил о том, что все планы на будущее развитие Кубы основываются на политике теснейшего сотрудничества с СССР во всех областях. Он подчеркнул при этом: «Наши узы вечны и нерасторжимы. И сегодня они крепки и прочны как никогда».

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПАВЛА БЕСПОЩАДНОГО

ШАХТЕРСКИЙ ПЕСНОТВОРЕЦ

В 1924 году, узнав из газет о революционных выступлениях немецких рабочих, шахтер Селезневского рудника Павел Иванов написал для стенной газеты стихотворное послание «Шахтерам Рура» и в духе того времени поставил под ним «грозную» подпись: Павел Беспощадный. Скоро он понял, что в годы борьбы с разрухой, предутрия социализма, поэтическое перо может быть подобным тому оружию, с каким четыре года отстаивал на фронте Советскую власть.

В таких вещах, как «Детство», «Лампоносы», «Рассказ о землянке», цикле колоритных зарисовок «В подневолье» молодой поэт, словно бы подтверждая свой литературный псевдоним, с беспощадной правдивостью воссоздавал мрачные картины былого, безысходную нужду и бесправие рабочих в царской России. А наступившая жизнь рождала в нем стихи, славившие первые ростки нового быта, трудовые успехи шахтеров.

Жизнь, труд, борьба донецких шахтеров стали для творчества Павла Беспощадного главной и неиссякаемой темой. В годы войны поэт создал немало произведений высокого патриотического звучания и нежного лиризма: «Украине», «Дума о донецком камне», «Синяя птица», «Дорогая черта», «Шахте», «Запомни, грозный террикон». Хорошо и ко времени сказал он свое вдохновенное слово и о возрождении Донбасса, о трудовых подвигах земляков.

Полвека назад Беспощадный написал стихотворение «Коногон заболел» и предстал перед читателями как тонкий лирик и вместе с тем провозвестник индустриального преображения Донбасса. Горестный рассказ, отзывающийся в душе читателей щемящей болью, заканчивался неожиданно оптимистичной строфой: тяжкий труд скоро сумеют облегчить машины, «на всю шахту один человек будет, будто шутя, коногонить».

Минули годы, и мечта обернулась явью. Чудесно сбылось и еще одно пророчество поэта. Однажды он написал мужественные строки:

Донбасс никто не ставил на колени,
И никому поставить не дано!

Многие полагают, что такое непреклонное убеждение поэт высказал во время Великой Отечественной войны, когда донбассовцы всюду — на фронте и в тылу — гневно мстили подлым оккупантам. Но нет: строки о вольнолюбивом и гордом крае были написаны за двенадцать лет до военной грозы, а последующие события, борьба непокоренных лишь подтвердили, насколько хорошо поэт знал душу своего народа и как свято верил в его силу.

Алексей ИОНОВ

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В № 28 «Огонька» опубликовано письмо читателя А. Нератова из Тольятти, в котором он сообщал о систематических задержках доставки журнала. Редакция обратилась с просьбой ко всем лицам, ответственным за доставку «Огонька», к читателям с просьбой познакомить редакцию с фактами плохой доставки журнала. Публикуем поступившие в редакцию письма.

Чем объясняется задержка поступления в продажу журнала «Огонек»? Ведь он еженедельный, а для Свердловска он почему-то превращается в ежемесячник. Двадцать третьего июня мы получили лишь двадцатый номер от семнадцатого мая. И так каждый раз, ждешь его по месяцу.

КОРЕШОВ

Свердловск.

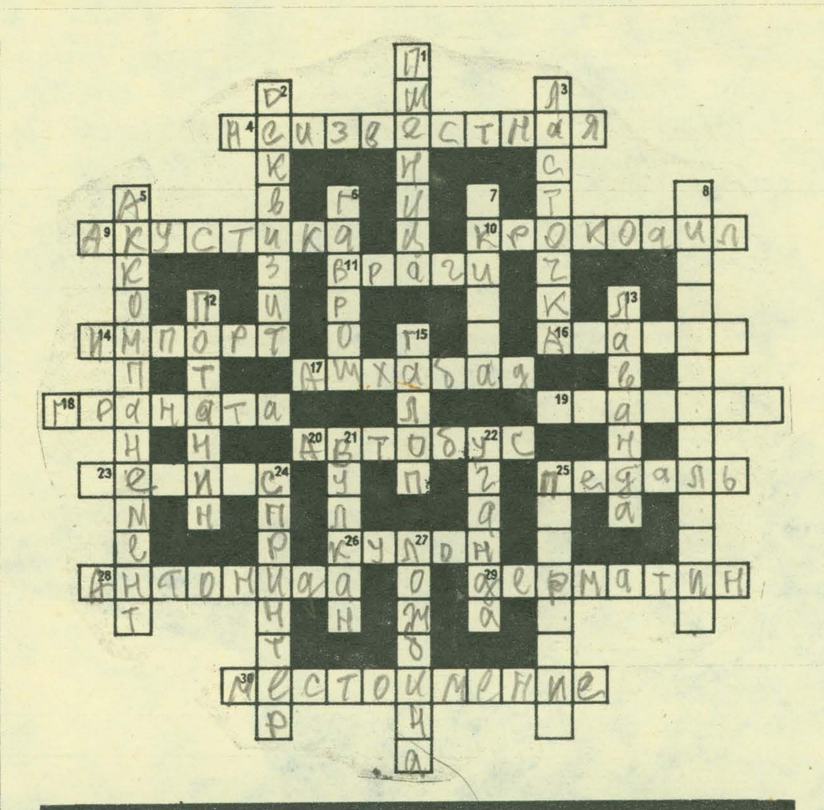
* * *

Просим вас, наведите порядок в продаже журнала «Огонек». В понедельник была в Риге. Там уже в киосках № 26 «Огонька». В Шяуляй вернулась во вторник, 1 июля, а тут еще неизвестно, когда будет в продаже номер 25. Люди посмотрят старые номера и проходят мимо, думают, что новый «Огонек» они уже прозевали. Ведь до недавнего времени ваш журнал попадал к нам по пятницам, а сейчас и во вторник нет. Продавцы говорят, что застревает он на складе в Шяуляе или Вильнюсе.

С уважением

ЩУКИНА З. С.

Шяуляй.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Картина И. Н. Крамского. 9. Учение о звуке. 10. Водное пресмыкающееся тропических стран. 11. Пьеса М. Горького. 14. Ввоз товаров из-за границы. 16. Река в Якутии. 17. Столица союзной республики. 18. Разрывной снаряд. 19. Басня И. А. Крылова. 20. Вид транспорта. 23. Созвездие южного полушария неба. 25. Ножной рычаг. 26. Единица количества электричества. 28. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 29. Искусственная кожа. 30. Часть речи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Хлебный злак. 2. Вещи, необходимые для постановки спектакля. 3. Быстро летающая птица. 5. Музыкальное сопровождение. 6. Персонаж романа В. Гюго «Отверженные». 7. Порт в Алжире. 8. Отдел языкознания. 12. Русский путешественник, исследователь Центральной Азии. 13. Эфиромасличное растение. 15. Быстрый аллюр. 21. Возвышенность с кратером на вершине. 22. Государство в Восточной Африке. 24. Бегун на короткие дистанции. 25. Римский писатель-сатирик. 27. Неглубокий овраг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. «Хованщина». 8. Телевизор. 9. Готика. 10. Штопор. 11. «Печенег». 12. Корица. 14. Апогей. 15. Кронштадт. 19. Нонпарель. 24. Подуст. 25. Енисей. 26. Октябрь. 27. Калька. 28. Нигрол. 29. Филателия. 30. Циклотрон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Бразилия. 2. Ксилофон. 3. Мотобол. 4. «Анджело». 5. Вербена. 6. Соловей. 13. Акцент. 14. Ателье. 16. Шуба. 17. Лопахин. 18. Вулькано. 20. Никитин. 21. Европий. 22. Кингстон. 23. Геродот.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Корабль «Аполлон» приближается к кораблю «Союз-19». Момент стыковки.
Во время пресс-конференции на орбите. Слева — Алексей Леонов, справа — Томас Стаффорд.
Во время расстыковки кораблей.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Алексей Леонов и Валерий Кубасов готовятся к расстыковке кораблей.
Памятные медали на фоне флагов ООН — СССР, которые взяли на борт советские космонавты.

Фотохроника ТАСС

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-28; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 7/VII—75 г. А 00884. Подп. к печ. 22/VII—75 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1500. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 832.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

американские

репортажи

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Мне хочется познакомить читателей «Огонька» с несколькими портретами известных и рядовых американцев и картинками из жизни современной Америки, в какой-то мере рисующими облик страны и ее людей.

◀ Генри Пэссоу, фермер из штата Иллинойс.

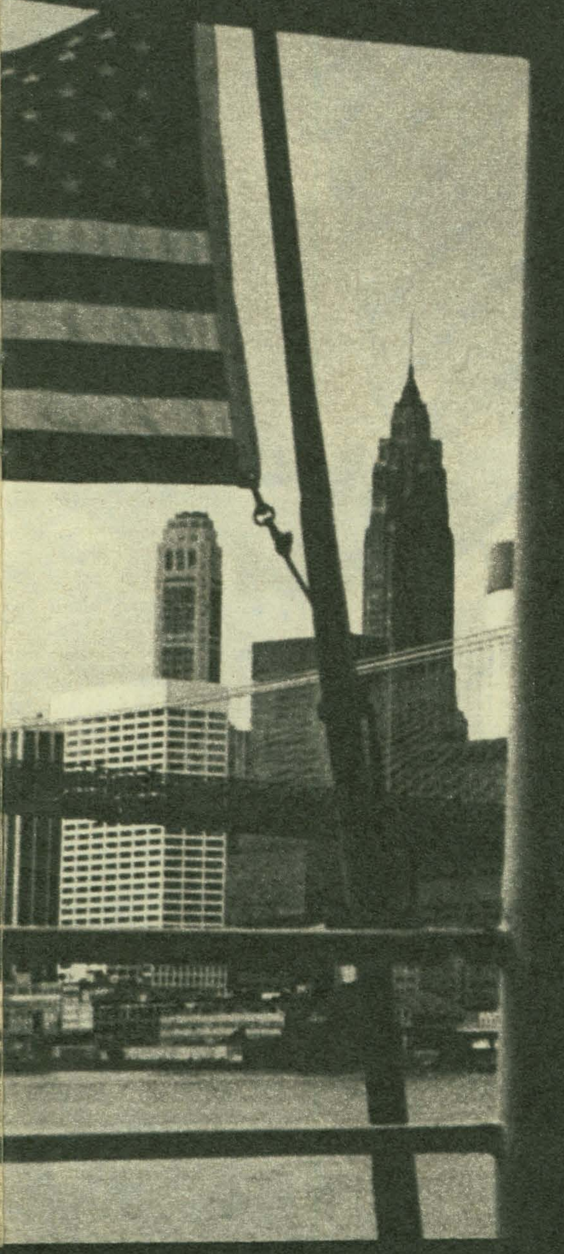
См. «Огонек» №№ 22, 23, 24, 25.

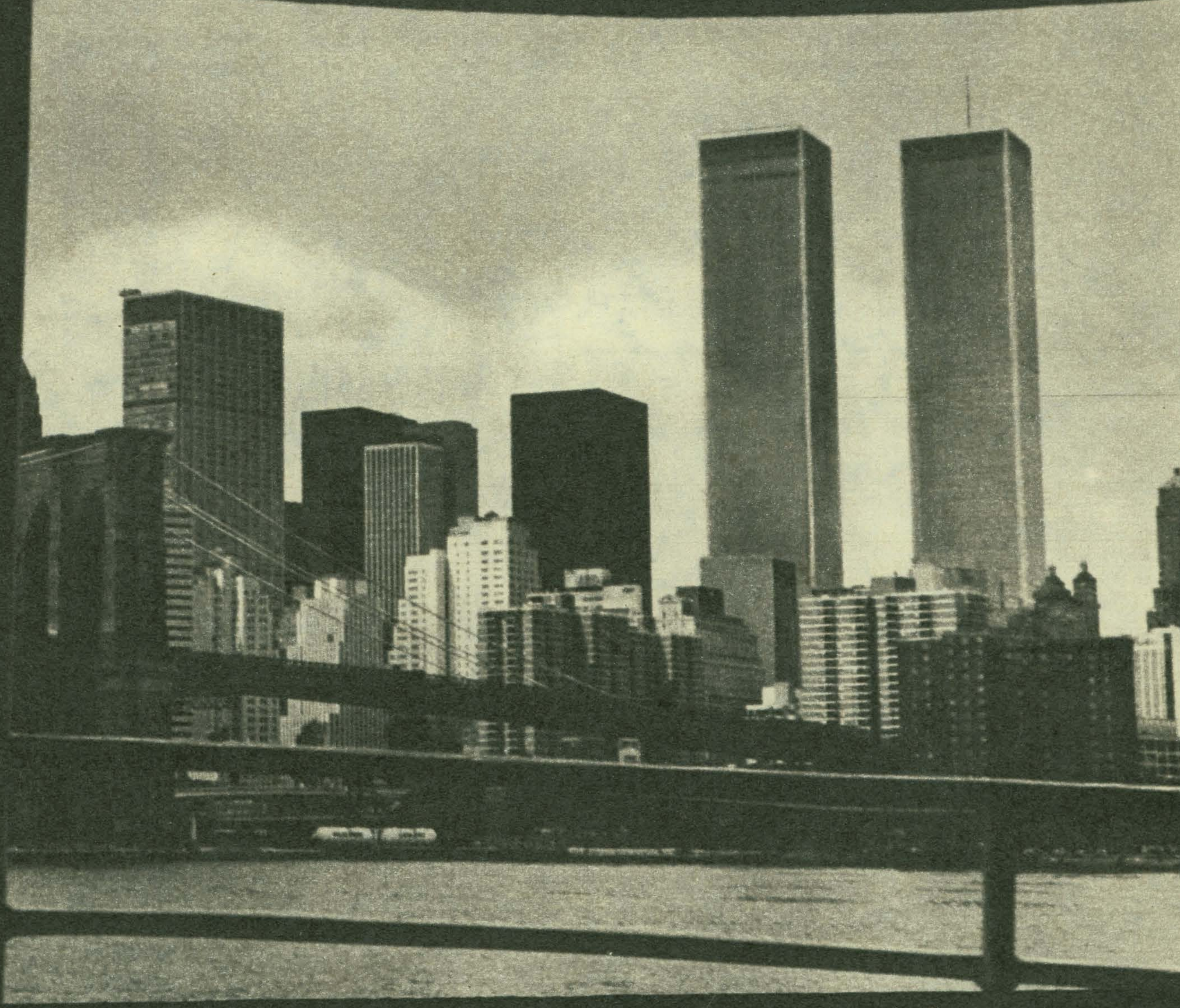
СТРАН

Уличный музыкант (Сан-Франциско).

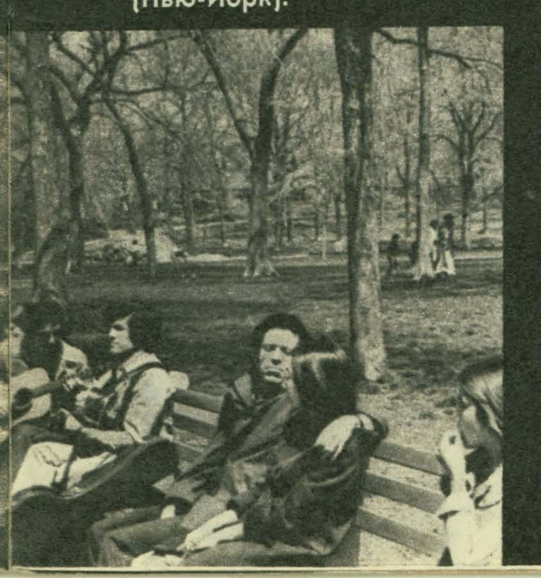

Манхэттен, центр Нью-Йорка.

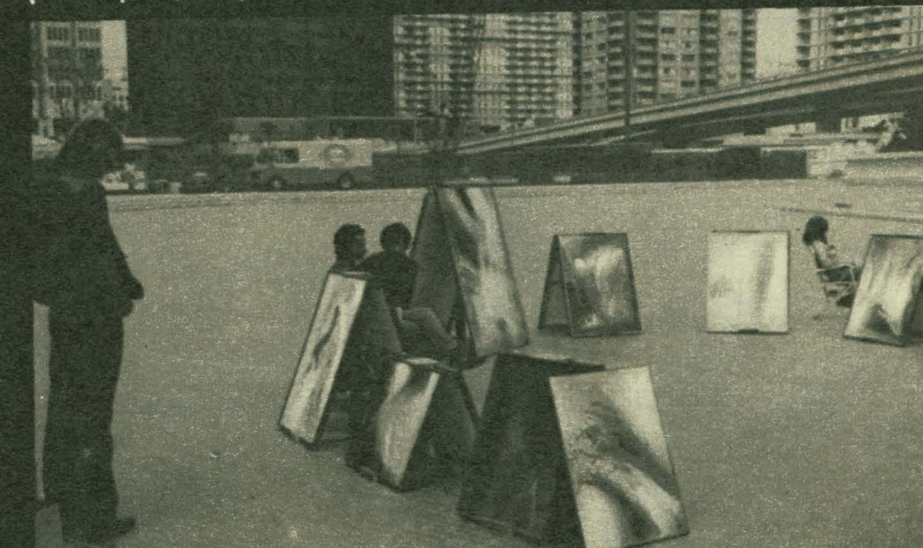
А И ЛЮДИ

Американцы любят гитару (Нью-Йорк).

Один из самых популярных в США певцов и киноактеров, Фрэнк Синатра.

Покупателей на эти абстрактные полотна не видно (Сан-Франциско).

Популярность бейсбола в США можно сравнить с популярностью футбола в нашей стране. Кстати, эта американская игра удивительно напоминает русскую лапту (Нью-Йорк).

Губерт Хэмфри, сенатор, один из виднейших политических деятелей страны.

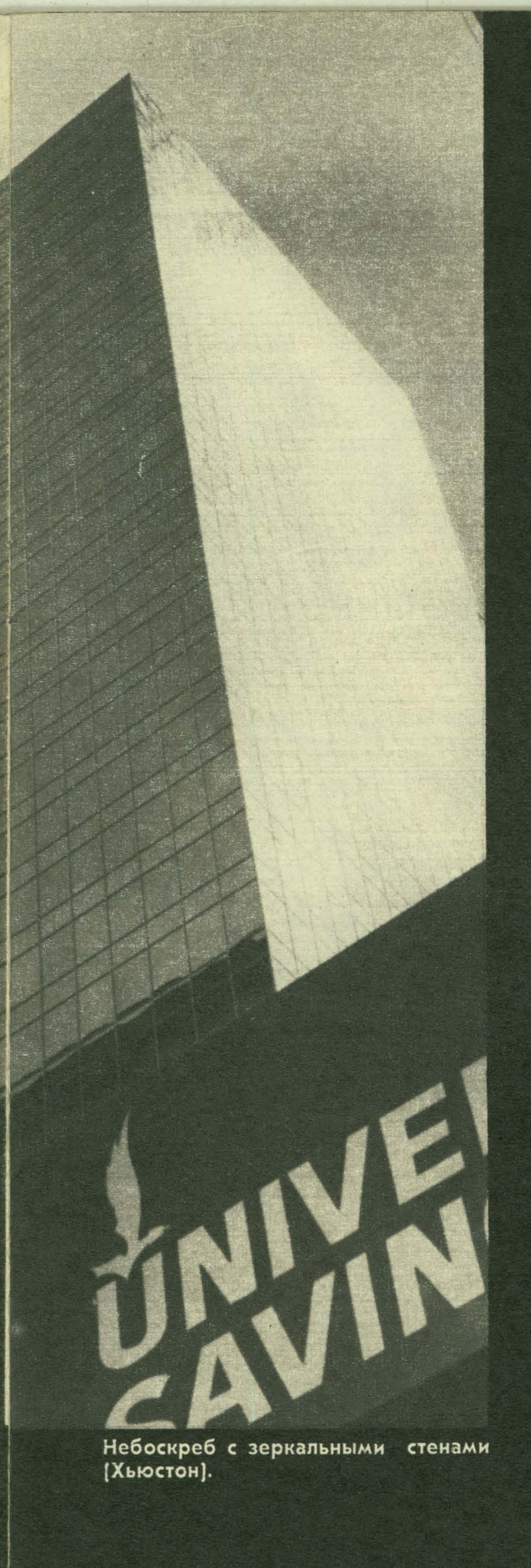

Самую грязную порнографию в самом неприкрытом виде предлагает реклама в центре Сан-Франциско.

Девушка из Вирджинии.

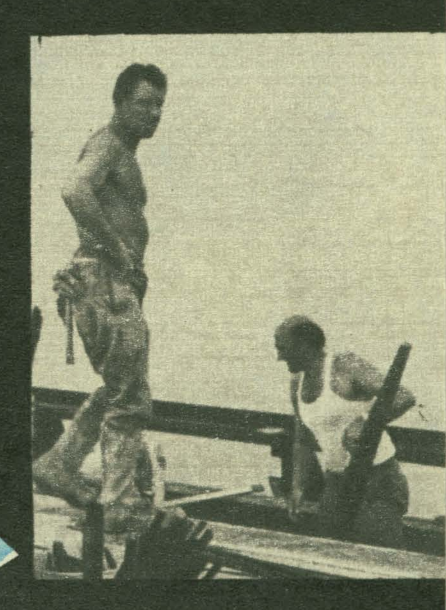

Небоскреб с зеркальными стенами (Хьюстон).

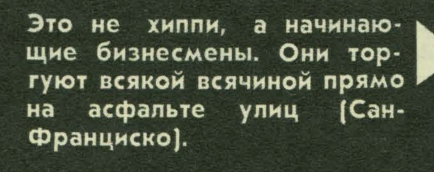
В США ныне получило широкое распространение движение за равноправие женщин. Этот хмурый мужчина проповедует совсем иную точку зрения, он борется за равноправие мужчин. На его лозунгах написано: «Мы хотим таких жен, которые слушались бы нас», «Включайтесь в движение за освобождение мужчин...» (Вашингтон).

Так называемых хиппи теперь в США стало значительно меньше, но все же они встречаются (Сан-Франциско).

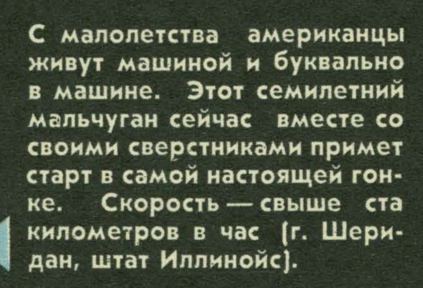

Рабочие на крыше международного торгового центра в Нью-Йорке. Высота — 440 метров.

Это не хиппи, а начинающие бизнесмены. Они торгуют всякой всячиной прямо на асфальте улиц (Сан-Франциско).

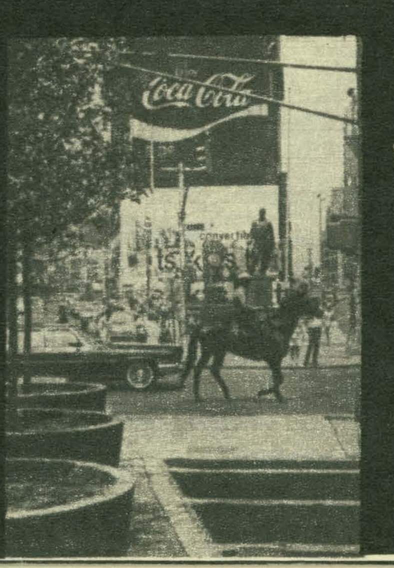

С малолетства американцы живут машиной и буквально в машине. Этот семилетний мальчуган сейчас вместе со своими сверстниками примет старт в самой настоящей гонке. Скорость — свыше ста километров в час (г. Шеридан, штат Иллинойс).

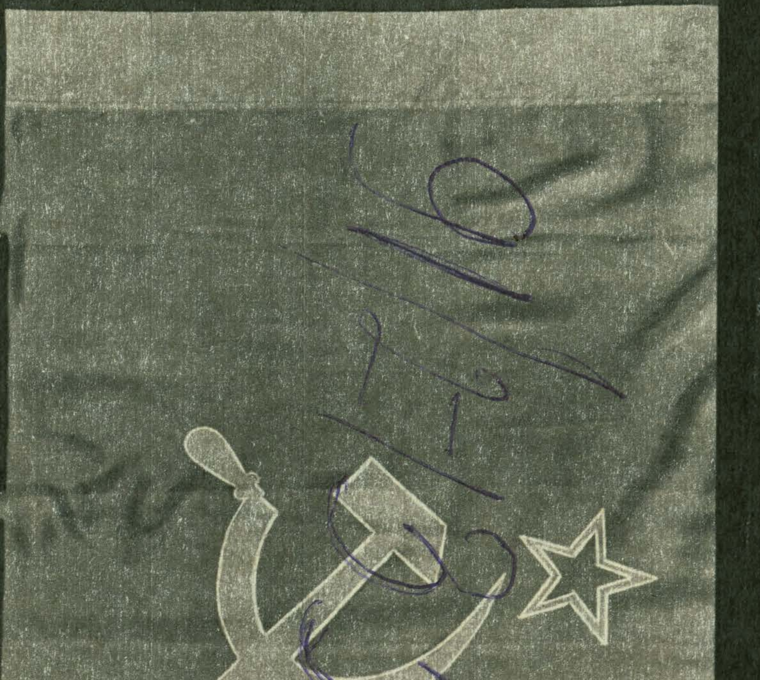
Полицейский на лошади. Это не чудачество. При заторе автомашин на ней быстрее доедешь куда нужно. А рядом — другой городской парадокс: деревья в бетонных кадках (Нью-Йорк).

Брэнда со своей любимицей.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663